

**КТО
ТАКАЯ
МОД
ДИКСОН?**

Дерзкий, оригинальный замысел и прекрасное исполнение...
Аплодирую автору!

А. ДЖ. ФИНН, автор бестселлера «Женщина в окне»

АЛЕКСАНДРА ЭНДРЮС

Александра Эндрюс
Кто такая Мод Диксон?

Издательство «Синдбад»

2021

Эндрюс А.

Кто такая Мод Диксон? / А. Эндрюс — Издательство «Синдбад»,
2021

ISBN 978-5-00131-423-3

Мечтающая о писательской славе Флоренс Дэрроу волею случая устраивается на работу персональным ассистентом к известной и очень популярной писательнице, скрывающей свою личность под псевдонимом Мод Диксон. В совместной поездке по Марокко они попадают в аварию, Флоренс просыпается в больнице, а ее попутчицу не могут найти ни живой, ни мертвой. Понимая, что никто другой не знает настоящего имени писательницы и не видел ее, Флоренс... становится Мод Диксон. Не подозревая, что этим подвергает себя смертельной опасности.

ISBN 978-5-00131-423-3

© Эндрюс А., 2021
© Издательство «Синдбад», 2021

Содержание

Пролог	8
Часть I	10
1	10
2	15
3	16
4	18
5	22
6	24
7	29
8	33
9	35
10	38
11	39
12	41
Часть II	43
13	43
14	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александра Эндрюс Кто такая Мод Диксон?

Alexandra Andrews

WHO IS MAUD DIXON?

Copyright © 2021 by Alexandra Andrews Beha

Published in the Russian language by arrangement with ICM Partners and Curtis Brown Group Limited

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2021

Перевод с английского Натальи Лихачевой

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2021

* * *

АЛЕКСАНДРА ЭНДРЮС

КТО
ТАКАЯ
МОД
ДИКСОН?

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
СИНДБАД
Москва, 2022

Крису

*Живя мечтами год от года,
Грубеют души и сердца.*

Уильям Батлер Йейтс. Скворечник над моим окном¹

¹ Пер. Евгения Витковского. – Здесь и далее прим. переводчика

Пролог

Семат, Марокко

– Мадам Вилькок?

Она приоткрыла левый глаз, и в образовавшуюся щель хлынул теплый желтый свет. Перед ней возникла размытая фигура в белом. Она закрыла глаз.

– Мадам Вилькок?

Откуда-то донесся пронзительный писк. На этот раз она открыла оба глаза. Она лежала на неудобной кровати, окруженной с обеих сторон грязными занавесками.

– Мадам Вилькок?

Она с трудом повернула голову. Мужчина в чем-то похожем на военную форму сидел на стуле, придвинутом к кровати, наклонившись вперед и внимательно наблюдая за ней. Пухлое лицо его казалось кукольным. Он не улыбался.

– Мадам Вилькок, – произнес он в четвертый раз.

– Хелен? – Голос ее звучал прерывисто.

– Хелен, – он кивнул. – Вы знаете, где вы?

Она огляделась:

– В больнице?

– Верно. У вас была тяжелая ночь.

– Тяжелая ночь?

– Очень тяжелая.

Она издала непроизвольный смешок. Мужчина нахмурился, он явно был раздражен. Вдруг слева зашуршала занавеска – оба повернули головы. Вошла женщина в белом платке и белом жакете. Медсестра? Она склонилась над кроватью и тепло улыбнулась. Произнесла что-то на иностранном языке и разгладила тонкое одеяло.

Затем резким тоном заговорила с мужчиной. Он встал, подняв ладони в примирительном жесте. Холодно улыбнулся, отодвинул занавеску и вышел.

Молодая женщина на кровати повернулась к медсестре, но та уже уходила.

– Подождите, – хрипло позвала она. Сестра или не услышала ее, или предпочла не обращать внимания.

Женщина осталась одна.

Ее взгляд задержался на потолке, испещренном коричневыми водяными потеками. Она попыталась сесть, но помешал гипс на левом запястье. И тут она почувствовала боль – болело все.

Она посмотрела на пустой стул, на котором раньше сидел мужчина, называвший ее мадам Вилькок. Информация казалась важной, но поместить ее в какой-либо значимый контекст не удавалось. Она снова закрыла глаза.

Через несколько минут – а может, и часов – занавеску снова отдернули. Медсестра вернулась с другим мужчиной.

– Мадам Уилкок, – обратился он к ней. – Я рад, что вы пришли в себя.

Он говорил по-английски гораздо четче, чем большинство носителей языка, старательно отделяя каждое слово.

– Я доктор Тази. Я был на вызове, когда вас привезли вчера вечером с переломом двух ребер, сломанным запястьем и гематомами на лице и теле. Мне сказали, что вы попали в автомобильную аварию. Мы часто сталкиваемся с подобными травмами, вызванными подушками безопасности. Вам повезло, могло быть и хуже.

Медсестра, словно по сигналу, протянула ей одноразовый стаканчик с водой и большую белую таблетку.

– Гидрокодон. Снимет боль, – сказал доктор. – Я вернусь после полудня, чтобы оценить ваше состояние, но не вижу причин задерживать вас до завтра. А пока отдыхайте, мадам Уилкокс. – Он вышел, медсестра тут же выскользнула следом.

Мадам Уилкокс. Она беззвучно произнесла имя. Хелен.

Свет исчез, и ею снова овладел сон.

Часть I

1

Две девушки поднимались по узкой лестнице на звуки смеха и музыки. Флоренс Дэрроу, шедшая впереди, провела рукой по красной кирпичной стене.

– Есть что-то извращенное в том, чтобы проводить здесь издательские вечеринки, – сказала она.

Обе они работали ассистентами редактора в «Форрестер Букс», и сегодня был корпоратив, который каждый год устраивали на втором этаже темного бара «Библиотека», оформленного по мотивам попсовых книжек.

– Это все равно что проводить саммит ООН в Диснейленде.

– Точно, – вполголоса согласилась Люси Ганд. Во время подъема узкое платье ее задралось и теперь собралось на бедрах.

Они добрались до бара и вошли внутрь осматриваясь. Вечеринка началась всего полчаса назад, но над толпой, будто смог, уже висел громкий гул. Почти сотня человек – с некоторыми они вместе работали, многих видели впервые – успела сбиться в группки. Флоренс не хотела приезжать слишком рано, но рассчитывала, что они найдут для себя местечко. Девушки оглядели помещение в поисках знакомых и дружелюбных лиц, но никого не нашли.

– Может, сначала выпьем? – предложила Флоренс.

Люси кивнула.

Обе начали работать в «Форрестере» почти два года назад, и Флоренс сразу почувствовала безоговорочную преданность со стороны Люси.

По идее, Люси была именно такой подругой, какую Флоренс надеялась обрести в Нью-Йорке, – выросла в Амхерсте, в семье преподавателей английского языка на кафедре местного университета; отец был автором подробнейшей биографии Натаниэля Готорна. Флоренс провела с ними свой первый День благодарения после переезда: она пришла в восторг, обнаружив, что их старый, заполненный книгами дом находится совсем рядом с домом Эмили Дикинсон. Это была та интеллектуальная идиллия, о которой Флоренс всегда мечтала и намека на которую не было в тесной квартире ее матери в Порт-Ориндже.

Однако в действительности Люси не хватало уверенности и интеллектуальной искушенности, которая Флоренс казалась естественной для девушки, выросшей в такой среде. Люси была мучительно застенчива, и Флоренс иногда подозревала, что мать посоветовала ей завести в Нью-Йорке хотя бы одну подругу и тогда все у нее будет в порядке. Флоренс была первой, кого Люси встретила в «Форрестере».

Они никогда по-настоящему не были вовлечены в жизнь компании, главным образом потому, что Люси не пыталась, а Флоренс не преуспела. А поскольку Флоренс оборвала все связи со старыми друзьями из Флориды – свое прошлое она представляла в виде гангренозной конечности, которую ради высшего блага следовало отрезать, – Люси, в сущности, была ее единственной подругой.

Сквозь толпу, мимо длинного стола, заваленного виноградом и сыром, они пробрались вглубь зала к внушительному бару из красного дерева. Бармен в черном атласном жилете улыбнулся кому-то, глядя поверх их голов. Они, по-видимому, не попадали в категорию тех, кто заслуживал его безраздельного внимания. Люси привыкла к тому, что ее не замечают, казалось даже, что ее это вполне устраивает, но Флоренс, имевшую достаточный успех у мужчин, задевало, когда ее игнорировали.

Флоренс нельзя было отказать в привлекательности, но первое, что неизменно бросалось в глаза, – это ее бледность. Казалось, она выросла в бункере, а не под солнцем Флориды. Свидетельство того, что ей следовало родиться в другом месте, думала она не без удовольствия. Ее светлая кожа легко краснела, то ли от застенчивости, то ли от страсти, как будто Создатель не мог выбрать между конкурирующими импульсами чистоты и похоти. Некоторым мужчинам это казалось очаровательным, но многих отталкивало. А еще у нее были темные, почти черные глаза и светло-каштановые кудри, торчащие, как у Медузы Горгоны. Несмотря на сотни долларов, которые за все эти годы ее мать потратила на гели, спреи и кремы для укладки, Флоренс так и не научилась с ними справляться.

– Что будете пить, дамы? – спросил бармен привычным тоном. Свет играл на его жестких прядях. Флоренс представила, как они хрустят под пальцами, словно покрытая инеем трава.

Люси указала на плакат с рекламой фирменного коктейля.

– Я, наверное, попробую этот, с «Дюарсом».

Флоренс заказала красное вино.

– Есть каберне и пино.

– Неважно. – Она постаралась придать голосу небрежность. В винах она не разбиралась.

Девушки сделали по глотку и отправились на поиски знакомых, к которым можно было бы присоединиться. Они заметили нескольких коллег, столпившихся у стола с едой, и встали позади них. Младший редактор Аманда Линкольн спорила с высоким худошавым парнем двадцати с чем-то лет в бежевом вельветовом костюме.

– Да этого быть не может, чертов женоненавистник! – воскликнула Аманда.

Гретхен, бойкий ассистент, чей стол стоял как раз напротив стола Флоренс, повернулась к ним:

– Фриц утверждает, что Мод Диксон – мужчина.

– Нет, – прошептала Люси, поднося руку ко рту.

Мод Диксон был псевдоним автора вышедшего пару лет назад дебютного романа «Миссисипский фокстрот», который имел невероятный успех. Речь в нем шла о двух девочках-подростках, Мод и Руби, отчаянно пытавшихся сбежать из своего крошечного городка Колльер-Спрингс в штате Миссисипи. Им постоянно что-то мешало: возраст, пол, бедность, холодное безразличие их семей. Кульминационный момент в книге наступает, когда Мод убивает рабочего, проезжавшего через их город по дороге в Мемфис. Он допустил ошибку, положив глаз на шестнадцатилетнюю Руби и решив во что бы то ни стало добиться своего.

Убийство в итоге освобождает обеих девушек из тисков родного города. Одна попадает в тюрьму, а другая получает стипендию в Университете Миссисипи.

Критики отмечали острый, несентиментальный стиль и свежий взгляд, что привлекло внимание читающей публики. Однако книга не имела серьезного успеха, пока знаменитая голливудская актриса не выбрала ее для своего книжного клуба. В силу ли предвидения автора или по счастливой случайности роман появился в разгар движения *#MeToo* и точно отразил накал витающего в воздухе праведного гнева. Что бы ни случилось в ту ночь, когда за пивной «Дрифтвуд» юная Мод Диксон ударила ножом Фрэнка Дилларда, – бесспорно, опасного и распутного типа, – винить за это ее было невозможно.

Только в США книга разошлась тиражом более трех миллионов экземпляров, началась работа над созданием мини-сериала. Любопытно, что автор, Мод Диксон, была абсолютно никому не известна. Она не давала интервью, не ездила в книжные туры, вообще не занималась рекламой. В книге не было даже страницы с благодарностями.

Издательство, выпустившее роман, – один из конкурентов «Форрестера» – призналось, что Мод Диксон – это псевдоним, автор же предпочел сохранить анонимность. Естественно, это вызвало массу домыслов по поводу его личности. «Кто такая Мод Диксон?» – этот вопрос

звучал в бесчисленных журнальных статьях, на интернет-форумах и пресс-ланчах книгоиздателей по всему городу.

В Америке нашли двух обладательниц имени Мод Диксон, но обе кандидатуры сразу были отмечены. Одна жила в доме престарелых в Чикаго и не помнила, как зовут собственных детей. Другая была стоматологом-гигиенистом, выросла в Лонг-Айленде в обычной семье со средним достатком и, судя по всему, никогда не проявляла таланта или склонности к писательству.

Многие полагали, что история автобиографична, поскольку у автора и главной героини, от лица которой велось повествование, было одно и то же имя. Несколько сыщиков-любителей отыскивали сведения о преступлениях, которые по определенным признакам совпадали с описанным в книге, но ни одна из версий не выглядела бесспорной. Кроме того, в Миссисипи доступ к материалам судебных заседаний по делам несовершеннолетних преступников закрывали, когда им исполнялось двадцать. Городка Колльер-Спрингс вообще не существовало, так что расследование в итоге зашло в тупик.

Обычно Флоренс скептически относилась к литературным произведениям, которые своим успехом были обязаны драматическим перипетиям сюжета. Убийство в ее глазах было дешевым приемом. Но, прочитав «Миссисипский фокстрот», она испытала настоящее потрясение. В этом случае убийство вовсе не служило уловкой для поднятия ставок – в нем был весь смысл романа. Читатель чувствовал, что ни у автора, ни у героини не было иного выбора, и даже испытывал удовлетворение от такой развязки.

Флоренс до сих пор помнила эти строки:

Нож вошел легко, острый край его мгновенно вторгся в теплые мягкие складки внутренностей Фрэнка. Она ударила снова. На этот раз нож попал в ребро – рука ее сильно дернулась, соскользнула с рукоятки и коснулась бледного тела. Живот его был залит кровью, жесткие темные волоски слиплись, как на голове новорожденного.

Ничего подобного Флоренс раньше не читала: текст был резкий, жесткий, даже жестокий. В конце концов, какая разница, мужчина Мод Диксон или женщина. Она знала, что, кем бы автор ни был, он не похож на других, как и сама Флоренс.

– Да с чего ты так завелась? – искренне удивлялся Фриц. – Господи, ну я же не говорю, что женщины не умеют писать. Я просто говорю, что *этот конкретный писатель* – не женщина.

Аманда потерла переносицу и сделала глубокий вдох:

– Почему я так завелась? Да потому, что *эта конкретная писательница* стала самым продаваемым романистом года и номинирована на Национальную книжную премию. Но, разумеется, книга может быть действительно стоящей, только если ее написал мужчина, а если женщина, то это просто развлечение для книжного клуба. Ради бога, ну мало вам своих печенек, так еще и наши крошки подавай!

– Вообще-то, – вмешалась Флоренс, – самым продаваемым автором в том году был Джеймс Паттерсон, хотя «Миссисипский фокстрот» стал самой продаваемой книгой.

Все взгляды обратились на нее.

– Мне так кажется, – добавила она, хотя была в этом уверена, и тут же возненавидела себя.

– Что ж, спасибо, Флоренс, еще одну крошку отняла.

– Да при чем тут эти твои дурацкие подсчеты, Аманда, – сказал Фриц. – Мой друг, кстати, женщина, работает во «Фрост/Боллен», так вот она клялась мне, что Мод Диксон – мужчина. Конечно, это *могла бы* быть женщина, но в данном случае точно нет.

Он виновато пожал плечами. «Фрост/Боллен» было литературным агентством Мод Диксон.

– Ну и кто же это тогда? – допытывалась Аманда. – Как его зовут?

Тут Фриц замялся:

– Я не знаю. Она просто случайно услышала, как о ней говорят «он»...

Аманда всплеснула руками:

– Да это полная чушь. Мужчина просто не мог написать эту книгу. Нет на свете мужчины, способного так убедительно писать о женщинах. Как бы он себя в этом не убеждал.

Словно чтобы наказать себя за проявленную робость, Флоренс решила:

– Генри Джеймс? Эдвард Морган Форстер? Уильям Теккерей? – Она всегда чувствовала особое родство с Бекки Шарп.

Аманда повернулась к ней:

– Seriously, Флоренс? Ты думаешь, «Миссисипский фокстрот» мог написать мужчина?

Флоренс пожала плечами:

– Вполне. Я вообще не вижу разницы.

Аманда посмотрела на потолок.

– Она не видит разницы... – с удивлением произнесла она, затем обернулась и спросила: – Ты писательница, Флоренс?

– Нет, – тихо ответила та.

На самом деле Флоренс больше всего на свете хотела стать писательницей. Как, впрочем, и все они. Наверное, у каждого в каком-нибудь дальнем ящике стола была спрятана половина романа. Но пока она лежит там, нельзя утверждать, что ты писатель.

– Ну, тогда тебе трудно в полной мере осознать, как важно для писательниц иметь примеры для подражания среди женщин. Женщин, которые когда-то уже не позволили, чтобы их внутренний мир описывали мужчины. Я не хочу, чтобы еще один мужчина рассказывал мне, как устроены женщины, ясно? Ты можешь это понять?

Флоренс то ли пожала плечами, то ли кивнула.

– Несчастлива та страна, которая нуждается в героях, – добавила Аманда.

Флоренс ничего не ответила.

– Брехт, – ядовито уточнила Аманда, приподняв бровь.

Флоренс почувствовала, как краснеет, и инстинктивно отвернулась. Она одним глотком допила остатки вина и вернулась к бару, где с натянутой улыбкой протянула бармену пустой бокал.

Прислонившись к стойке, она одну за другой вынула из тужель и приподняла уставшие от каблучков ноги. Ей никогда не нравились такие самоуверенные девушки, как Аманда. В старших классах именно такие принялись вдруг опекать ее и около недели таскали везде с собой, как спасенную от гибели собачонку, пока не потеряли к ней интерес. Флоренс знала, что для них она была не более чем театральным реквизитом. И если бы она не подыгрывала им, изображая благодарную протезе, они бы ее и не заметили. Главное, для них это тоже было бессмысленным ритуалом, что раздражало Флоренс больше всего. Аманда, выросшая в Верхнем Вест-Сайде, исполняла роль феминистки так же, как, вероятно, когда-то носила форму своей частной школы, – привычно, не слишком задумываясь, но истово.

Самой Флоренс никак не удавалось достичь того накала возмущения, которого, казалось бы, так требовало время, и подобная невосприимчивость к общественному негодованию зачастую оставляла ее за бортом, можно сказать, всего. Создавалось впечатление, что именно это возмущение служило связующим элементом, скрепляющим семейные пары, друзей, аудиторию большинства медиакомпаний. Даже юные уличные агитаторы, собирающие подписи под той или иной петицией, обходили Флоренс стороной, словно чувствуя ее врожденный солипсизм.

Это вовсе не означало, что она ко всему относилась спокойно, просто эмоции Флоренс берегла для других целей. Хотя для каких, она бы сказать не смогла. Вспышки собственного

гнева удивляли ее самое. Случались они редко и вызывали ощущение слабости и растерянности, как при смене часовых поясов, словно тело вырывалось вперед, а она пыталась его догнать.

Однажды в университете на семинаре по писательскому мастерству преподаватель раскритиковал перед всеми ее рассказ, назвав скучным и неоригинальным. Оставшись после занятий, она начала отчаянно защищать свою работу и в итоге накинута с обвинениями на него, посредственного автора, опубликовавшего единственный, никем не замеченный сборник рассказов. Когда Флоренс наконец выдохлась, он смотрел на нее с неподдельным ужасом. Она едва могла вспомнить, что тогда наговорила.

Бармен все-таки обратил внимание на пустой бокал, и в этот момент за ее спиной раздался голос:

– Я с тобой согласен.

Она вздрогнула и обернулась. Это был Саймон Рид, главред «Форрестера», высокий худощавый мужчина с мягкими волосами, тонкими чертами лица и россыпью веснушек. В их среде он считался красавцем, но Флоренс могла лишь предположить, что о нем сказали бы в Порт-Ориндже, где тонкие черты точно не входили в число мужских достоинств.

– В каком смысле? – спросила она.

– В том смысле, что кого вообще волнует, кто такая Мод Диксон.

Слова текли у него между губ, словно суп. Флоренс поняла, что он пьян.

– Текста это не изменит, – продолжал Саймон. – Точнее, для некоторых изменит, хотя не должно. Эзра Паунд был фашистом, однако же написал несколько чертовски красивых строк.

– И муравей – кентавр в своем стрекозьем мире, – процитировала Флоренс.

– Тщеславье сбрось, я говорю, отринь², – подхватил Саймон, кивая.

Они обменялись молчаливой улыбкой сообщников. Флоренс поймала взгляд наблюдавшей за ними Аманды, которая тут же отвернулась. Бармен поставил на стойку полный бокал вина. Когда Флоренс подняла его, Саймон чокнулся с ней и наклонился ближе.

– За анонимность, – тихо сказал он.

² Строки из стихотворения Эзры Паунда *Canto LXXXI* даны в переводе Я. Пробштейна.

2

Весь остаток вечера Флоренс ощущала на себе внимание Саймона. Она, конечно, и раньше сталкивалась с оценивающими взглядами мужчин постарше, но в родном городе это, как правило, вызывало у нее неприязнь, будто ее вовлекали во что-то такое, в чем она не желала участвовать. Однако сегодня пристальный интерес Саймона доставлял ей удовольствие. Он сильно отличался от тех мужчин, которых она знала с детства: вместо самострела и загара со следами от майки в его арсенале были первые издания известных книг и тонкая ирония. К тому же все знали, что он женат на актрисе Ингрид Торн. Флоренс чувствовала, что заслужила место на более высокой ступени бытия, словно его взгляд волшебным образом вызвал в ней что-то, о чем она и не подозревала.

Спустя два часа толпа начала редеть, и Люси спросила Флоренс, не собирается ли та уходить. Обе они жили в Астории и часто вместе добирались домой на метро.

– Езжай, – сказала Флоренс, – я, пожалуй, еще выпью.

– Все нормально, я подожду.

– Нет, правда, езжай.

– Хорошо, – нерешительно согласилась Люси. – Если ты уверена.

– Уверена, – произнесла Флоренс с нажимом.

Иногда ей казалось, что дружба Люси душит ее, хотя, окажись она перед выбором, ей пришлось бы признать, что комфорт от этой отчаянной преданности подруги намного перевешивает клаустрофобию: дело было, пожалуй, еще и в том, что мать Флоренс рано научила ее признавать только самые сильные эмоции. Все сдержанное представлялось ей холодным и фальшивым.

Люси ушла, вяло махнув рукой. Флоренс заказала еще бокал вина и медленно выпила его, оглядывая зал. На вечеринке осталось около двух десятков человек, но никого из них она не знала настолько хорошо, чтобы подойти. Саймон стоял в углу – он был поглощен беседой с главой отдела рекламы и, похоже, не собирался ее заканчивать.

Флоренс чувствовала себя полной дурой. Чего она, спрашивается, ждала?

Поставив бокал на стойку – получилось как-то слишком резко, – она отправилась искать свое пальто в общей куче у двери. Выдернула его и вышла.

Снаружи ветер хлестал ее по голым ногам. Флоренс свернула к жилым кварталам и быстро зашагала к метро. Она почти дошла до станции, как услышала, что кто-то окликнул ее по имени. Она обернулась. Саймон догонял ее, его темно-синее пальто было аккуратно перекинута через руку.

– Не хочешь еще выпить? – спросил он небрежно, словно не бежал только что за ней по улице.

3

Они зашли в бар «Том и Джерри» на Элизабет-стрит, и Саймон настоял, чтобы они взяли «Гиннесс».

– Я его литрами пил, пока учился в Оксфорде, – сказал он. – Так что теперь чувствую себя от него молодым.

Он говорил с интонацией, если не с акцентом англичанина. Теперь она поняла почему.

Они нашли свободное место в глубине зала и сели друг напротив друга за липкий стол. Флоренс сделала глоток и поморщилась.

Саймон рассмеялся:

– К нему нужно привыкнуть.

– Человек не обязан пытаться что-то полюбить, – уверенно сказала Флоренс. – Это как заставить себя дочитать книгу, которая не нравится. Просто закрой ее! Найди другую!

– Не хочу тебя расстраивать, но ты, возможно, занимаешься не тем делом. Знаешь, сколько книг, которые мне совсем не нравятся, я вынужден читать каждую неделю? Отделять хорошее от плохого – это тоже работа.

– О, я не собираюсь становиться редактором. – Флоренс замахала рукой.

– Просто для ясности, – Саймон смущенно улыбнулся, – ты ведь понимаешь, что я босс твоего босса, верно? Может, тебе захочется изобразить хоть каплю энтузиазма по поводу работы, за которую тебе платят.

Флоренс улыбнулась в ответ:

– Что-то мне подсказывает, что вы никому не расскажете об этой нашей встрече, особенно Агате.

– Господи, я и забыл, что ты работаешь у Агаты Хейл. Да уж, эта *встреча* вряд ли ее обрадует. Ее моральный компас явно требует смазки.

Флоренс невольно хихикнула, чувствуя приятное головокружение от небрежной шутки в адрес женщины, превосходящей ее по всем параметрам, как в личном, так и в профессиональном плане.

– Хорошо, договорились, – сказал Саймон, слегка коснувшись стола ладонью. – Сегодняшний вечер останется между нами. Раз уж ты настаиваешь.

– За анонимность! – Флоренс подняла бокал.

В ответ Саймон опустил руку под стол и положил ей на бедро. Флоренс никак не отреагировала. Тогда он очень медленно заскользил ладонью вверх. Они молча смотрели друг другу в глаза, и Саймон поглаживал ее большим пальцем. Никто ничего не замечал: большая часть посетителей сгрудилась у настенного телевизора и смотрела футбол.

– Пойдем куда-нибудь, – хрипло сказал Саймон.

Флоренс не стала возражать. Они оставили еще полные бокалы на столе, и он за руку вывел ее из бара. На улице Флоренс вскрикнула от порыва ледяного ветра. Саймон снял шарф и дважды обмотал ей вокруг шеи, завязав узлом.

– Так лучше? – спросил он.

Она кивнула.

Они шли очень быстро, почти бежали, пригнув головы от ветра. Миновав несколько кварталов, оказались у отеля «Бауэри»; швейцар посыпал тротуар солью из большой пластиковой канистры. К зданию прислонился бездомный, позвякивая монетами в кружке. Звук напоминал детский кашель. Флоренс попыталась разобрать, что он бормочет. «Говорят, мужчины не плачут, мужчины плачут, мужчины плачут...»

Внутри дежурный администратор не спеша принял кредитку Саймона, будто было два часа дня. «Так вот как это делается», – подумала Флоренс. Она всегда считала, что для того,

чтобы снять номер в отеле на несколько часов, требуются темные очки и вымышленные имена, а кровать обязательно будет скрипеть. Но оказалось, что четыреста долларов за ночь служат отличной защитой от подобных неудобств.

Они поднялись на лифте вместе с мужчиной средних лет, который слегка пошатывался. Саймон заговорщически улыбнулся Флоренс и потянулся к ней. Она улыбнулась в ответ, но отпрянула.

В номере царил полумрак, его освещала только пара медных бра над кроватью. Флоренс пересекла комнату и подошла к большим окнам, почти полностью занимавшим две стены.

– Французские окна, – сказала она, проведя кончиками пальцев по холодной поверхности. На запотевшем стекле остались похожие на капли следы.

– Иди сюда, – сказал Саймон, и она шагнула к нему.

4

На следующее утро Флоренс проснулась в предвкушении, словно ночь еще впереди. Она была одна. Саймон ушел в четыре часа утра, и она наблюдала с кровати, как он собирает свои вещи. Темно-серый костюм, который он повесил в шкаф. Бумажник, телефон и ключи, сложенные аккуратной стопкой на прикроватной тумбочке.

Застегивая рубашку, Саймон вдруг резко поднес руку к шее:

– Черт, я потерял косточку для воротника.

Она спросила, что это такое, и он посмотрел на нее почти с отцовским умилением.

– Ты прелесть, – сказал он, ничего не объясняя.

Флоренс ожидала некоторой неловкости, но ее не было. Саймон приветливо болтал, пока одевался, потом быстро поцеловал ее в лоб и пошел домой к жене. Она никогда не думала, что способна переспать с женатым мужчиной, и сейчас готова была испытать чувство вины. Но, как ни странно, оно тоже отсутствовало.

Она растянулась на широкой кровати. Была суббота, номер следовало освободить к полудню, и спешить ей было абсолютно некуда. Комнату заливал яркий солнечный свет – свет, который явно принадлежал другому времени года или другому городу. Риму, например.

Флоренс встала и пошла в ванную. Вокруг глаз были видны остатки макияжа, кудри торчали, словно наэлектризованные. Приняв душ, она вытерла миниатюрные бутылочки с шампунем и кондиционером, решив взять их с собой.

Саймон велел ей заказать завтрак, но, когда она позвонила вниз, ей сообщили, что счет за номер уже оплачен и ей придется расплатиться кредитной картой. «Забудьте», – сказала она и бросила трубку. Оделась и села на кровать. Ей больше нечего было делать, у нее даже книги с собой не оказалось. Она подошла к двери и взялась за ручку. Затем быстро шагнула обратно в ванную и сунула в карман швейный набор.

Вернувшись домой, Флоренс закрыла дверь квартиры и замерла, прислушиваясь к соседской комнате. Она надеялась, что там никого нет. Брианну и Сару она нашла на Крейгслисте³ несколько месяцев назад и сейчас знала их ничуть не лучше, чем когда сюда переехала.

Она открыла холодильник и достала обезжиренный йогурт, на котором маркером было выведено «брианна!!!». В своей комнате устроилась на кровати и придвинула к себе ноутбук. Загуглила «косточку для воротника».

Косточка для воротника – это гладкая жесткая пластина из металла, натурального рога, китового уса, перламутра или пластика, которая вставляется в специальный кармашек на внутренней стороне воротника рубашки и обеспечивает жесткость его уголкам.

Флоренс думала об этих крошечных кармашках, а еще о мужчинах вроде Саймона, которые беспокоятся о твердости уголков своего воротника. Те, с кем она обычно спала, – бармены и представители офисного планктона с Тиндера – все приехали когда-то в Нью-Йорк и казались такими же потерянными, как и она сама. Единственный парень, с которым после переезда сюда у нее было больше двух свиданий, на третьем попросил одолжить ему пятьдесят долларов и больше свиданий не назначал. Но и он вряд ли представлял, что такое косточка для воротника.

Флоренс знала, что за пределами ее мира существует другой мир, совершенно ей чужой. Время от времени кто-то брал его в свои руки и тряс, выбивая маленький кусочек, который со звоном падал к ее ногам. Она собирала эти кусочки, как энтомолог собирает редких насекомых,

³ Американский сайт электронных объявлений.

чтобы засушить и положить под стекло. Это были символы, которые однажды объединятся в нечто большее; она еще не знала, во что именно. В ее прикрытие, ответ на вызов, в новую жизнь.

Потом она искала информацию про жену Саймона. Ингрид Торн снималась в основном в авторских фильмах, время от времени совершая набеги на Бродвей. Она была не из тех актрис, чьи фотографии мелькают в журналах «Пипл» или «ИнТач», – большинство их читателей ее не знали, – но, как выяснила Флоренс, «Пейпер» поместил ее на свою обложку, назвав гранд-дамой авангардного кино.

В биографии Ингрид трудно было отыскать задатки чего-то авангардного. Она выросла в небольшом богатом городке в Коннектикуте, в семье преуспевающего адвоката и домохозяйки. «Коннектикульт» – так она назвала родной штат и добавила, что «там поклоняются двум богам – джину и ситцу». Теперь они с Саймоном жили в Верхнем Ист-Сайде, их дети ходили в престижную частную школу, но каким-то образом ей удалось преподнести все это так, будто она добилась радикальных перемен в своей жизни.

Ингрид была уже не так молода и далека от классических канонов красоты, но ее внешность завораживала своей необычностью. На ее лицо хотелось смотреть и смотреть, что и делала Флоренс, когда зазвонил телефон. Она взглянула на экран и, выдержав паузу, ответила:

– Да, мам.

– Послушай, – начала мать таким тоном, словно передавала ей секретные сведения, – Кит сказал мне вчера вечером, что хедж-фонды – это то, чем ты могла бы заниматься.

Кит был барменом в китайском ресторанчике «У П.Ф.Чанга», где мать работала. Флоренс совершенно не могла понять, почему все официанты приписывали ему почти сверхъестественные умственные способности.

– У меня нет для этого достаточной квалификации, – сказала она.

– Ты окончила университет с отличием! Конечно, ты считаешь меня недалекой провинциалкой, но я точно знаю, что диплом с отличием означает лучшие знания. Не думаю, что может понадобиться еще какая-то квалификация.

– Мам, я не считаю тебя провинциалкой, но...

– А, ну да, просто недалекой.

– Я этого не говорила. Просто я не особо дружу с цифрами, ты же знаешь.

– Не знаю, Флоренс. Точно не знаю. На самом деле, когда ты сейчас это сказала, я подумала, что ты всегда была сильна в цифрах. Очень сильна.

Мать говорила с карикатурной интонацией проповедника или ведущего новостей, причем эту манеру она, видимо, переняла, часами слушая и тех, и других по телевизору.

Флоренс помолчала.

– Наверное, я просто не хочу работать в финансовой сфере. Мне нравится моя работа.

Это было не совсем так, но она давно поняла, что в общении с матерью лучше использовать однозначные формулировки. Любая неопределенность тут же давала Вере точку опоры.

– Тебе нравится весь день быть у кого-то на побегушках? Я-то на побегушках последние двадцать шесть лет по одной-единственной причине: чтобы моя дочь могла послать любого, кто попытается заставить ее прислуживать.

Флоренс вздохнула:

– Прости, мам.

– Не извиняйся передо мной, дорогая. Все твои таланты тебе даровал Господь. Ему не больше, чем мне, нравится смотреть, как ты их растрачиваешь.

– Ну хорошо, прости меня, Господи.

– О нет! Не умничай с ним, Флоренс. Только не с ним.

Флоренс ничего не ответила.

Немного помолчав, мать задала свой любимый вопрос:

– Кто тебя любит?

– Ты.

– А кто самая лучшая девочка на свете?

Флоренс посмотрела на дверь, словно желая убедиться, что ее никто не подслушивает, и быстро ответила:

– Я.

– Именно!

Флоренс была уверена, что мать энергично кивает на другом конце провода.

– Ты не какой-нибудь ноль без палочки, детка. Не веди себя так. Это неуважение ко мне и неуважение к твоему Создателю.

– Ладно.

– Люблю тебя, детка.

– И я тебя.

Флоренс повесила трубку и закрыла глаза. Эта чрезмерная и неоправданная лесть матери всегда производила обратный эффект, заставляя чувствовать себя полным ничтожеством. Когда Флоренс училась в старших классах, мать рассказывала всем, что ее дочь – самая красивая и популярная девочка в классе, хотя на самом деле Флоренс ощущала себя абсолютно потерянной и цеплялась за горстку приятелей, которых сближало скорее отчаяние, чем какое-то родство душ. Единственное, что у нее действительно было общего с ближайшей подругой Уитни, это максимальный средний балл успеваемости. «Да посмотри ты на меня!» – не раз готова была крикнуть Флоренс.

Иногда ей хотелось от матери откровенной жестокости, тогда, по крайней мере, можно было бы разорвать с ней отношения, не испытывая особой вины. Вместо этого, они стали заложниками бесконечного маскарада: мать подбадривала ее, все больше в ней разочаровываясь, а Флоренс отвечала любовью и раскаянием, которых не чувствовала.

Вера Дэрроу забеременела в двадцать два – уже не такая молодая, чтобы привлекать к себе осуждающие взгляды, но и не настолько опытная, чтобы понимать, во что ввязывается, как она часто говорила Флоренс. Будущий отец, постоянный гость отеля, где она в то время работала, и слышать не хотел о ребенке, но Вера решила рожать. Она говорила всем, кто готов был слушать, что это лучшее решение, которое она когда-либо приняла: ее жизнь началась с появлением Флоренс. Хотя, надо сказать, во время беременности она обрела веру в Бога, так что, возможно, не обошлось и без его участия.

Какая-то женщина на работе рассказала Вере о церкви, которая помогла ее двоюродной сестре, тоже матери-одиночке. Вера шла туда, смутно надеясь получить бесплатную упаковку подгузников, а в итоге стала членом общины.

С самого детства Вере говорили: утихомирься, успокойся, остынь. Здесь же ее энтузиазм наконец нашел себе применение. Так ей сказал пастор Даг. Он убедил ее и в том, что ребенок, которого она носит, не грех, а драгоценный дар божий.

Флоренс знала, что не все прихожане считают ее мать такой уж набожной, какой она себя изображает. Вера никогда не скрывала, что некоторые отрывки из Библии кажутся ей сомнительными (например, мысль о том, что кроткие могут что-то наследовать), и ей удавалось внести раздор в любой комитет, в который она вступала. Но ее недоброжелатели были бы весьма удивлены, узнав, сколь на самом деле сильна ее вера, при том что о формальных вещах Вера особо не заботилась. Прежде всего, она была глубоко убеждена, что Бог приготовил для ее ребенка нечто особенное.

С детства Флоренс регулярно, как сказку на ночь, слышала об этом замысле Творца. Она приняла его, как привыкла принимать от матери все, – смиренно и без вопросов. Скептицизм – рискованное дело для детей из неполных семей.

В Бога Флоренс перестала верить еще в старших классах, но по-прежнему считала, что ее ждет великое будущее. Эта мысль слишком глубоко укоренилась в ее сознании. Отказаться от нее было бы все равно что перестать быть блондинкой или полюбить горчицу.

Проблема заключалась в том, что Флоренс и Вера совершенно по-разному представляли себе «великое будущее». Для Веры это была всего лишь лучшая версия привычной жизни, так что, по сути, в своих ожиданиях она не переходила пределов собственного воображения. Бог даст Флоренс хорошую работу и хорошего мужа. А Флоренс, в свою очередь, сможет подарить матери квартиру.

Но в дочери слово «великое» пробудило что-то дикое и незнакомое – что-то неподвластное Вере. Жизненные горизонты Флоренс оказались значительно шире.

Благодаря чтению книг, а читала Флоренс запоем, она впервые почувствовала, что ей тесно в узком мирке матери. Она вдруг поняла, что работа в какой-нибудь компании в Тампе или Джексонвилле – не предел мечтаний.

Флоренс часто ходила в библиотеку в поисках книг о жизни, непохожей на ее собственную. Ее увлекали истории о ярких женщинах с трагической судьбой вроде Анны Карениной и Изабель Арчер. Вскоре, однако, ее внимание переключилось с женщин-персонажей на женщин-писательниц. Она проглатывала дневники Сильвии Плат и Вирджинии Вулф, судьба которых была куда более трагичной, чем любой из их героинь.

Но, без сомнения, настольной книгой Флоренс был сборник статей Джоан Дидион «И побрели в Вифлеем». Надо признать, что большую часть времени она не столько читала, сколько разглядывала фотографии Джоан в темных очках, сидящей в шевроле-корвет, но урок был усвоен. Все, что ей нужно сделать, – это стать писательницей, и ее отчужденность волшебным образом превратится в свидетельство ее гениальности, а не источник стыда.

Заглядывая в будущее, она представляла себя за красивым столом у окна, пишущей очередную выдающуюся книгу. Ей никогда не удавалось разглядеть слова на экране, но она знала, что они гениальны и раз и навсегда докажут, что она особенная. Имя Флоренс Дэрроу будет известно всем.

Ну и кто откажется от такого ради квартиры?

5

«Форрестер Букс» занимало два этажа офисного здания на Гудзон-стрит в центре Манхэттена. Оно не входило в число крупнейших издательств Нью-Йорка, но в своей нише имело неплохую репутацию, в чем и находили утешение его сотрудники. Во время собеседования ведущий редактор сказал Флоренс, что они не издают «коммерческую литературу», – так, будто это был эвфемизм для детской порнографии. (Ходили слухи, что тот же самый редактор отклонил «Миссисипский фокстрот», когда получил рукопись, но это так и не подтвердилось.)

Утром в понедельник после корпоратива, проходя по офисному вестибюлю, Флоренс была начеку. В привычных действиях – приложить пропуск, кивнуть охраннику – появилась некая театральность. Она поискала глазами Саймона в толпе, ожидавшей лифта, но его там не оказалось.

Ее рабочее место находилось на тринадцатом этаже, где на общем пространстве теснились принтеры, шкафы для бумаг и столы коллег. Кабинеты редакторов располагались по периметру, загораживая дневной свет. Пока она ждала, когда проснется компьютер, ее наконец отпустило: никто на нее не смотрел, жизнь шла своим чередом, как будто и не было никакого пятничного вечера.

В одиннадцать часов в помещение влетела Агата и принялась яростно стягивать с себя пальто. Это была невысокая женщина лет сорока с небольшим, с рано поседевшими волосами и неумной энергией. К тому же на шестом месяце беременности. Флоренс встала, чтобы помочь.

– Господи, я ненавижу своего врача, просто ненавижу, – воскликнула Агата. – Жаль, что менять уже слишком поздно.

Она бросила сумку на пол у двери своего кабинета. На сумке был значок с надписью «Будь хорошим человеком».

– О нет. Что она сделала на этот раз?

Флоренс с самого начала усвоила, что от ассистента Агате нужно сочувствие ее проблемам и подтверждение правильности ее мнения. Флоренс была странным образом очарована Агатой, похоже обладавшей всеми свойствами нью-йоркского либерала. Она жила в Парк-Слоупе со своим мужем, адвокатом по иммиграционным делам. Ходила на митинги, открыто заявляла, когда была с чем-то не согласна. Вместо «кино» всегда говорила «картина».

– Понимаешь, до нее никак не дойдет, что я совершенно не желаю эпидуральную анестезию!

Агата тяжелой походкой прошла в свой тесный кабинет. Флоренс последовала за ней, подкатив офисный стул к дверному проему.

– А почему?

Агата уселась за стол и серьезно посмотрела на ассистента. Она часто называла себя наставницей Флоренс, но редко выступала в такой роли.

– Флоренс, боль была необходимым условием материнства на протяжении тысячелетий. Своего рода инициация. Ну, знаешь, как в африканских племенах, парни должны покрыть свое тело шрамами, чтобы считаться мужчинами.

– В каких племенах?

– Да во всех.

– Ну да, – неуверенно согласилась Флоренс.

– Устраняя эту священную боль, медицина фактически разрушает отношения между матерью и ребенком, ведь именно боль их связывает. Стать матерью – это большая честь и привилегия. Ее еще надо заслужить.

– Да, наверное, в этом есть смысл, – сказала Флоренс. – Знаешь, я читала в интернете, что морские вши, созрев, прогрызают себе путь из утробы матери, через все ее тело, и выходят изо рта. А мать остается разодранной. И погибает.

Агата одобрительно кивнула:

– Именно так, Флоренс. Именно так.

Флоренс вернулась на рабочее место, решив отнести этот разговор к числу своих побед.

После четырех часов она пошла выпить кофе в «Данкин Донатс» на углу. И выйдя из лифта, наконец увидела Саймона. Тот разговаривал по телефону у главного входа. Заметив ее, он улыбнулся и сделал знак подождать.

– Хмм, конечно. Абсолютно согласен, – произнес он в трубку и скосил глаза на Флоренс. – Ладно, Тим, мне пора идти. Позже созвонимся.

Он сунул телефон во внутренний карман пиджака и горестно ухмыльнулся.

– Извини, – он огляделся. – Давай отойдем на секунду. – Они вышли на улицу и свернули в переулок.

– Что ж, ночь была прекрасна, – сказал он, выдавив смешок. – Послушай, я просто хотел удостовериться, что все в порядке. Что ты нормально все это восприняла. Само собой, такие поступки мне совершенно несвойственны, но не знаю, – он глубоко вздохнул и покачал головой, – в тебе что-то есть, Флоренс. Я нарушил все свои правила.

Флоренс открыла было рот, чтобы ответить, но Саймон поспешно продолжил:

– И все же... – Он замолчал и попытался сменить тон. – И все же это было ошибкой. Моей ошибкой. Исключительно моей. Я беру всю ответственность на себя. Но это не повторится. Я слишком уважаю тебя, чтобы ставить в такое положение.

– Саймон, – сказала Флоренс, – я не собираюсь обвинять тебя в сексуальном домогательстве.

Саймон рассмеялся слишком громко.

– Ха-ха. Что ж, спасибо тебе, спасибо. Хотя не думаю, что для этого действительно есть основания.

Он поймал взгляд кого-то за спиной Флоренс и, улыбнувшись, кивнул.

– Правильно. – Он вновь переключил внимание на нее: – Ладно. Отлично. Спасибо.

Флоренс ничего не ответила.

– Значит, у нас все в порядке?

– Все прекрасно, Саймон:

Он похлопал ее по плечу.

– Вот и хорошо. А как дела наверху? Тебе нравится работать с Агатой?

Флоренс утвердительно кивнула.

– Вот и хорошо, – повторил он.

На углу они расстались. Саймон вернулся в здание, а Флоренс пошла в кафе. Стоя в очереди, она мысленно прокручивала их разговор. Она сказала ему правду: с ней все было в порядке. Она знала, что Саймон женат, когда ложилась с ним в постель. Знала, что это, вероятно, будет только один раз. Секс, кстати, ее не особо впечатлил. Саймон был нежен и предупредителен, но ее это скорее отталкивало. (Как печально, подумала она, что, даже изменяя, он трахается, как женатый мужик.) Но она должна была признать, что испытала некоторое сожаление. Вовсе не потому, что он был ей нужен. Но ей понравилось находиться с ним рядом, пусть даже всего несколько часов. Ей понравился отель «Бауэри», понравились косточки для воротника. Как и то, что она привлекла внимание мужа Ингрид Торн.

6

На рождественские праздники Флоренс домой не поехала. Матери сказала, что перелет стоит слишком дорого, хотя цены на билеты «ДжетБлю» начинались от семидесяти девяти долларов.

На Рождество она вновь отправилась в отель «Бауэри». В просторном лобби, выходящем на застекленную террасу, располагался бар, но большинство столиков были пусты. Флоренс села в кресло, обитое потертым желтым бархатом, и провела руками по подлокотникам. Когда подошла официантка, она заказала порцию виски «Гленливет» за четырнадцать долларов.

Книгу – «Быстроходный катер» Ренаты Адлер – и блокнот она положила перед собой на стол, но не открыла ни то, ни другое, а внимательно изучала окружающую обстановку. Отель напоминал заброшенный британский форпост в какой-нибудь экзотической колонии: картины, будто покрытые копотью, полы из терракотовой плитки, старинные ковры. Стены были украшены рождественскими венками и гирляндами.

Она заметила пожилого мужчину в сером костюме-тройке, с торчащим из кармана фиолетовым платком. Когда их взгляды встретились, он с усилием поднялся и подошел к ней шаркающей походкой.

Мужчина наклонился ближе, от него пахло спиртным и одеколоном.

– Еврейка или мизантропка? – Голос его напоминал рычание.

Она взглянула на него с отвращением, но ничего не сказала. Какое-то время они молча смотрели друг другу в глаза. Он сломался первым.

– Да ладно, милая, брось. Я не хотел тебя обидеть. Я, например, и то, и другое. Двойное удовольствие.

Мужчина издал хриплый смешок и тут же закашлялся. Вытащив платок, поднес ко рту. В мягких складках осело что-то влажное.

Подошла официантка и коснулась его поясницы.

– Давайте позволим этой милой леди спокойно допить свой напиток, хорошо?

Она осторожно повела его к креслу у камина, покуда он бормотал: «Она не леди. Эта – точно нет».

Флоренс допила остатки виски и пошла в туалет. Посмотрела на себя в зеркало. Потом открыла горячую воду, подставила руку и держала ее под струей, пока не почувствовала, что больше не может терпеть. Еще в университете она обнаружила, что этот ритуал – лучшее средство от приступов гнева и отчаяния. Потом вернулась к своему столику, оставила двадцатидолларовую купюру и пошла обратно к метро.

Вера провела Рождество со своей лучшей подругой Глорией и двумя ее детьми. В тот же вечер она рассказала об этом Флоренс:

– Уверена, они были не в восторге от того, что я целый день мельтешила у них перед глазами, но Глория ни за что не оставила бы меня одну. Я нисколько не виню тебя, что ты не приехала, но, знаешь, Глория не хочет, чтобы кто-то страдал. И Грейс, ее старшая! Ты не поверишь. Она руководит целым офисом «Голд Коуст Риалти» в Тампе. Только подумай: это же национальная корпорация. Плюс четверо детей.

– Мам, это точно не национальная корпорация, – возразила Флоренс. – Если, конечно, ты не перепутала название.

Вера громко выдохнула:

– Ладно. Тебя это, видимо, уже не впечатляет. Четверо детей и шестизначная зарплата. При этом она еще нашла время, чтобы купить мне рождественский подарок и...

– Я тоже купила тебе рождественский подарок, – прервала ее Флоренс, словно оправдываясь. Она послала матери сборник рассказов Лидии Дэвис, хотя знала, что книгу Вера вряд ли откроет. Какая-то часть Флоренс все еще отчаянно надеялась, что мать изменится; ей вовсе не доставляло удовольствия ее стыдиться.

– Ну, дорогая, мы же не чужие – конечно, ты купила. Но ты никогда не догадаешься, что мне подарила Грейс.

– Что?

– Зудлер!

– Я не знаю, что это такое, – спокойно сказала Флоренс.

– Знаешь, знаешь. *Зудл*, лапша из цукини.

– Уверяю тебя, я понятия не имею, что это значит.

Вера снова вздохнула.

– Хорошо, дорогая, можешь возвращаться в свою сказочную нью-йоркскую жизнь.

Флоренс с силой потерла лоб. Она не хотела обижать мать, но не справилась с собой.

– Прости, мам. Я уверена, это отличный подарок.

Слова подействовали мгновенно – мать успокоилась.

– Так и есть. В следующий раз, когда приедешь домой, я сделаю тебе зудл. На вкус они совсем как настоящая паста. Потрясающе!

– Договорились.

– Ой, а знаешь, кого я встретила на днях? Тревор. Такой славный мальчик. Он подошел и поздоровался со мной в торговом центре.

Все угрызения мгновенно испарились.

– Мам, ты же его терпеть не могла.

В старших классах Флоренс встречалась с Тревором, а Вера постоянно призывала ее с ним расстаться. Во многом именно назло матери она не прекращала отношения с ним более двух лет. Единственное, что их с Тревором объединяло, – глубокое, хотя и редко высказываемое убеждение, что они умнее других, – оказалось слишком слабой связью, чтобы удержать их вместе после школы.

– Ничего подобного, – возмутилась Вера. – В любом случае сейчас он крупный инженер в «Веризоне»⁴, и он спрашивал о тебе. Все не мог поверить, что ты в Нью-Йорке.

– И тем не менее я здесь, – сухо сказала Флоренс.

– Ты должна ему позвонить.

– С какой стати?

– Было бы неплохо, вот и все.

Флоренс знала, что это далеко не все, но спорить не стала. Если она не поддастся искушению, это будет ее настоящим рождественским подарком Вере.

– Хорошо, мам, может быть, я так и сделаю. Я люблю тебя. Счастливого Рождества.

– А я-то тебя как люблю, детка!

Время между Рождеством и Новым годом, пока офис «Форрестера» был закрыт, Флоренс планировала использовать для работы над собственным произведением. Но всю неделю ее преследовала та же проблема, что и два года назад, после переезда в Нью-Йорк: она не могла написать ни строчки.

⁴ Имеется в виду *Verizon Communications* – американская телекоммуникационная компания.

Это был ее первый творческий кризис. После университета она осталась в Гейнсвилле и устроилась работать в книжный магазин, чтобы полностью посвятить себя писательству. Каждую свободную минуту она лихорадочно печатала на компьютере. Часто писала по ночам, прихлебывая чашку за чашкой разогретый в микроволновке рамен. Во время учебы она открыла для себя Роберта Кувера, Дональда Бартельми и Хулио Кортасара. Читая их, она чувствовала, что может шагнуть в другой мир, где сняты привычные запреты, разорваны связи между причиной и следствием, а впереди – только свобода. Она увлеклась этой идеей – создавать свою реальность и самой устанавливать правила.

Тогда она написала несколько странных и жутковатых историй. Ее любимая была о женщине, которая в течение многих лет по кусочкам ела своего мужа, пока не съела его полностью. Прочитав рассказ, Вера отметила ключевую, на ее взгляд, логическую ошибку: «Разве муж не понял бы, что жена его ест, и не набрал 911?»

В тот период мать чуть ли не ежедневно уговаривала ее найти настоящую работу. Спустя почти два года, получив массу отказов из литературных журналов, Флоренс сдалась. Она откликнулась на все вакансии в издательствах, какие только смогла найти, и приняла первое сделанное ей предложение: ассистент редактора в издательстве «Форрестер Букс».

Вскоре ее писательская продуктивность резко упала. Все началось после одного вечера в ее первую рабочую неделю. Большинство молодых сотрудников «Форрестера» каждую пятницу выпивали в баре «Рыжий жаворонок» недалеко от тоннеля Холланда, – довольно мутное местечко с липкими стойками, вселявшими в состоятельных финансистов уверенность, что они, несмотря на их дорогие костюмы, диетологов и роскошные квартиры в Трайбеке, все еще классные парни. Молодежь ходила туда пить пиво, которое с пяти до восьми вечера стоило всего пять долларов.

Для Флоренс это была первая пятница на новом месте. В шесть часов у лифта собралось несколько человек, направлявшихся в «Рыжий жаворонок», и они с Люси молча к ним присоединились. Флоренс с неудовольствием признала, что напугана не меньше подруги. Их новоиспеченные коллеги были уверены в себе и начитанны, непринужденно вели себя на литературных вечеринках с известными писателями. Девушки носили коктейльные платья с винтажными украшениями. Среди них Флоренс чувствовала себя самозванкой.

Их самопровозглашенным лидером была Аманда Линкольн. Она выросла в Нью-Йорке в семье обозревателя «Нью-Йорк таймс» и преуспевающего литературного агента, входившего в попечительский совет Нью-Йоркской публичной библиотеки. После колледжа в Долтоне продолжила учебу в Йельском университете, а затем стажировалась в журнале «Парижское обозрение». Иными словами, безупречная биография. Скорее всего, нога Аманды никогда не ступала в такое место, как Порт-Ориндж.

Когда все расселись за большим столом в глубине зала, Аманда подняла бокал и крикнула: «Чин-чин!» – Флоренс и Люси неуверенно переглянулись, но пробормотали ответное «чин-чин» вместе с остальными.

Помощница Саймона Эмили, дружелюбная уроженка Среднего Запада, повернулась к ним, пытаясь помочь освоиться:

– Так откуда вы, девчонки?

– Амхерст, – тихонько произнесла Люси.

– Ты там училась? – вмешалась в разговор Аманда. – Туда уехал мой брат. Стюарт Линкольн, не слышала?

Люси кивнула, правда, непонятно, в ответ на какой из вопросов. Дальнейших комментариев от нее не последовало.

– А ты? – Эмили обратилась к Флоренс.

– Я училась в Университете Флориды. В Гейнсвилле.

– О, круто, – сказала Эмили. За столом все одобрительно закивали. Сообщи она им, что у нее рак, их реакция была бы такой же подчеркнута тактичной. Почти все они окончили университеты Лиги Плюща или им подобные.

– Бывала в доме Хемингуэя на Ки-Уэсте? – спросил Фриц.

Флоренс покачала головой.

– Потрясающее место. У них там эти шестипалые кошки – потомки его первого кота.

– Только не говори мне, что мы все еще делаем вид, будто Хемингуэй сейчас актуален, – воскликнула Аманда. – У нас что, урок английского в девятом классе?

– Господи, Аманда, да я просто сказал, что у него был шестипалый кот, – изумился Фриц.

Чуть позже, когда они пили уже по второму бокалу, около бара появился торговец розами – мужчина средних лет в оранжевой индийской куртке.

– Нет ничего более пошлого, чем красная роза, – заметила Аманда. – Кто-то должен сказать этому бедняге, чтобы он начал продавать пионы. Будет хоть какой-то толк.

Все засмеялись, кроме Флоренс, которая молча смотрела на Аманду, слегка ошарашенная. Неужели кому-то могли не нравиться красные розы? И как вообще можно не любить Хемингуэя? Почему эта девушка, не старше Флоренс, позволяет себе столь бесцеремонно говорить такие кошунственные вещи?

Но это было только начало. Весь остаток вечера Аманда то и дело произносила имена и термины, которые казались не более чем беспорядочным набором слогов: Адорно, Пина Бауш, «Койяанискаци».

Дома, во Флориде, Флоренс всегда полагала, что она лучше, чем кто-либо в ее окружении, разбирается в вопросах культуры, искусства и стиля. Но в этом грязном баре она впервые в жизни почувствовала себя некомпетентной, а точнее, просто глупой. Она шла по жизни в беспечной уверенности, что знает больше всех, и вдруг поняла, что ничего не знает. Если бы в то утро ее спросили, она бы сказала, что красные розы – это самое изысканное, что можно придумать. И она даже не подозревала, что Хемингуэй уже стал объектом насмешек.

На следующий день она смотрела на пустую страницу на экране и испытывала незнакомое чувство: страх. Если красные розы оказались безвкусницей, в чем же еще она была права? Сколько других глупых ошибок могло возникнуть в ее тексте? Да и могла ли она вообще подумать о том, чтобы написать роман, не прочитав сначала Адорно?

Флоренс перечитала свои старые рассказы, и они показались ей детскими и корявыми. На самом деле она была благодарна Аманде Линкольн, этой надменной стерве, за то, что та дала понять, насколько скудны знания Флоренс, чем практически спасла от позора.

«Великое будущее» теперь казалось лишь одной из множества других возможностей, а не правом, дарованным ей богом. Вполне вероятно, что она станет редактором, а не писателем. Или вернется во Флориду, будет продавать дома или банковские кредиты. Никто ничего ей не гарантировал. И ничего не был должен.

Собственное «я» ускользнуло прочь так же легко, как пальто соскальзывает со спинки стула. Она переросла себя прежнюю, но как создать новую Флоренс с нуля? Она примеряла настроения и характеры, как наряды. Сначала ее заинтересовала безжалостность. Потом захотелось стать объектом обожания. Она верила в преобразующую силу новых сапожек, жидкой подводки для глаз и даже – о ужас! – берета, как будто самоощущение могло просочиться в нее извне, словно никотин из пластыря.

К тому моменту, когда Флоренс встретила Саймона Рида на вечеринке «Форрестера», она уже два года жила в Нью-Йорке, но так и не обрела свою истинную сущность. Она была кораблем без балласта, отчаянно кренившимся на волнах. Возможно, именно эта неустойчивость и привлекла к ней Саймона. Он был из тех мужчин, которых безудержно тянет к молодым переменчивым натурам, ведь Флоренс была далеко не единственной двадцатилетней женщиной, блуждающей в темноте в поисках своей идентичности.

Он должен быть понимать, что секс с молодой сотрудницей может разрушить и его карьеру, и его семью. Так зачем он это сделал? Флоренс не питала иллюзий насчет своей неотразимости. Она скорее подозревала, что у него была патологическая зависимость, не обязательно от секса, но от вида собственного отражения – могущественного, самоуверенного, желанного мужчины – в глазах закомплексованной девушки. Да и скандал такая вряд ли поднимет.

И он оказался прав – она этого не сделала.

7

Офис «Форрестера» открылся второго января. Через несколько дней Агата попросила Флоренс отвезти пакет с отредактированными книгами автору, которого на тот момент обхаживала. Писатель жил в восточной части 87-й улицы. День выдался не по сезону теплый, и Флоренс обрадовалась, что у нее появился повод выйти из офиса.

Она отвезла книги, но сразу возвращаться на работу не стала, а повернула на юг и прошла по симпатичному парку, идущему вдоль Ист-Ривер.

На 84-й улице ее внимание привлекла толпа, собравшаяся на противоположной стороне перед большим особняком. Это были женщины, в основном темнокожие. Из-под куртки одной из них виднелась серая юбка горничной, точно у персонажа какой-нибудь пьесы. Несколько белых женщин болтали друг с другом или смотрели в телефоны.

Двухстворчатые двери особняка распахнулись, и наружу, словно кровь из носа, хлынул поток девочек в красных клетчатых юбках. Флоренс прочла золотую табличку над дверью: «Школа Харвик». Здесь учились дочери Саймона: об этом писали в статье о его жене в «Вэнити Фэйр». С любопытством оглядев ожидающих матерей, но не найдя среди них Ингрид, Флоренс решила понаблюдать и присела на скамейку напротив.

Большинство детей уселись в ожидавшие их автобусы, но не в рейсовые желтые, на которых Флоренс ездила во Флориде, а в заказные, с велюровыми сиденьями и туалетом, больше напоминавшие экскурсионные. Грузная учительница со свистком на шее громко подгоняла учениц:

– Девочки, первый автобус отправляется через пять минут! Проходим, проходим!

Только после того, как автобусы отъехали, няни и матери разошлись вместе с детьми, а учителя вернулись в школу, Флоренс встала и направилась к метро.

Вернувшись в офис, Флоренс ковырялась вилкой в салате, в котором оказалось слишком много заправки, когда ее окликнула Агата.

Флоренс привычно подкатила на стуле к ее кабинету.

– Да?

– Ты уверена, что здесь двойная порция нута? – Агата скептически указала на тарелку овощей, которую Флоренс взяла для нее в ресторанчике в соседнем квартале.

– Эээ, ну да.

На самом деле про добавку нута она совершенно забыла.

– Кларе это не нравится, – заявила Агата. – Клара хочет нут и дома заставит свою мамочку наесться хумуса.

Флоренс кивнула и улыбнулась. Но поскольку Агата, похоже, ждала продолжения, спросила:

– Извини, а кто такая Клара?

– Я разве тебе не сказала? Мы с Джошем наконец определились с именем.

– Клара? Симпатичное имя. – Флоренс сделала паузу и добавила: – Кажется, так звали мать Гитлера.

Агата замерла, на пластиковой вилке повис лист салата.

– Что?

Флоренс попыталась сдать назад:

– Ну, вообще-то не совсем. У немцев оно пишется по-другому...

Агата продолжала смотреть на нее в молчаливом недоумении.

– Да неважно, – поспешно произнесла Флоренс. – Хорошее имя, мне нравится.
Она помолчала.

– Да уж, у беременных бывают такие заскоки. Моя мать говорила, что ее ужасно тянуло на филе-о-фиш, когда она меня носила.

Агата начала медленно кивать:

– Да-да.

Она постепенно оживилась, почувствовав интерес к теме.

– Говорят, от рыбы будущий ребенок становится умнее. Особенно полезен лосось, надо только следить за уровнем ртути. Наверное, поэтому у нее была такая тяга. Матушка-природа знает, что делает.

– Ну, или она рекламирует «Макдоналдс», – усмехнулась Флоренс.

– «Макдоналдс»?

– Ну да, филе-о-фиш. Рыбный бургер.

– Ой, я думала, ты говоришь просто о рыбном филе. На самом деле я никогда не была в «Макдоналдсе».

– Да перестань! Наверняка была.

Агата покачала головой.

– Но ты должна была там побывать. Все когда-то да бывали в «Макдоналдсе».

– Только не я. Ты вообще знаешь, сколько гормонов у них в мясе?

Флоренс готова была поспорить, что в Америке каждый хоть раз ел в «Макдоналдсе». Как могла Агата с таким пренебрежением отвергать то, что миллионы людей делают каждый день, и при этом отказываться от эпидуральной анестезии лишь потому, что какие-то африканские мальчишки вынуждены лупить себя палками?

До той вечеринки Флоренс и в голову не приходило, что она может осуждать Агату. Она моложе, у нее нет опыта, достойной зарплаты, мужа, детей. То есть всего того, что ценит Агата. Но то, как пренебрежительно Саймон произнес ее имя в баре, словно приподняло завесу и обнаружило в начальнице что-то нелепое. Это новое восприятие сбивало с толку. Если Флоренс не равняется на Агату, то что она вообще здесь делает? Неужели эта работа и правда поможет ей стать писательницей?

«Несчастлива та страна, которая нуждается в героях». Но страну, где единственным героем была Агата Хейл, счастливой тоже не назовешь.

В пять часов вечера Агата ушла, а Флоренс осталась, чтобы закончить работу над рукописью, которую ей дали несколько дней назад. В половине восьмого, когда она уже отправляла свои замечания по электронной почте, зазвонил рабочий телефон. Это был Саймон, и по радостному возбуждению, которое он тщетно пытался скрыть, она поняла, что он пьян.

– Флоренс! Ты здесь! Что ты так поздно делаешь на работе?

– Гм, работаю...

– Глупости. Незачем в это время вкалывать. Давай встретимся. Мне точно надо тебя образумить.

– Встретимся сейчас?

– Пять минут назад. Нет, вчера! Давай, беги со всех своих прекрасных ног.

Флоренс сжала губы, чтобы подавить смешок.

– Я думала, ты меня слишком уважаешь, чтобы ставить в такое положение.

– Это не про меня. Нет, на самом деле я тебя ни капли не уважаю. Полное презрение – вот что я испытываю. К тебе и к Иди Амину, вы в моем списке. Позволь мне показать, насколько сильно я тебя не уважаю.

– Ты сейчас серьезно?

– Совершенно серьезно. Встретимся в отеле «Бауэри» через тридцать минут. Я закажу номер на имя Мод Диксон, как тебе? Легко запомнить.

Флоренс повесила трубку и поднесла руку к лицу. Ощутила, как горят щеки. Потом взяла пальто и сумку и поспешно вышла из офиса, смутно надеясь, что кто-нибудь спросит, есть ли у нее планы на сегодняшний вечер. Если бы она рассказала Люси о первой встрече с Саймоном, то с удовольствием поделилась бы подробностями и сейчас. Но она сохранила все в тайне, зная, что Люси встревожится и осудит ее, хоть и безуспешно попытается не показать виду.

Флоренс потратилась на такси и приехала в отель раньше Саймона. Как он и обещал, номер был забронирован на имя Мод Диксон. Войдя в комнату, она села на стул у окна и постаралась принять непринужденный вид. Стоит ли ей раздеться? Нет, это было бы слишком нелепо. Она скрестила ноги, потом выпрямила их. Пожалела, что не надела белье получше.

Через час он так и не появился.

Она достала блокнот, который всегда носила в сумке, и начала писать короткий рассказ о молодой женщине, ожидающей своего любовника. Потом вырвала страницу и бросила ее в мусорное ведро. В десять она легла в постель, поставив будильник на шесть утра. Ей придется заехать домой, чтобы переодеться, прежде чем вернуться в офис.

Через несколько часов ее разбудил телефон в номере.

– Флоренс, мне очень жаль, – прошептал Саймон на другом конце провода.

– Что случилось? – спросила она, тоже почему-то шепотом.

– У тестя случился сердечный приступ. А у меня не было номера твоего мобильного.

– С ним все в порядке?

– С кем, с Биллом? Нет. Он умер.

– Ох.

– Да уж.

– Ты можешь приехать сейчас?

– Нет, мне придется остаться здесь. Послушай, это было безумие. Полное безумие. Я не должен был тебя в это втягивать.

– Да все нормально.

– Нет, это ненормально. Но спасибо, что так сказала.

Оба повесили трубку, и Флоренс тотчас почувствовала себя дурой. Зачем было спрашивать, может ли он приехать? Она выставила себя такой жалкой и навязчивой. Совсем как мать.

Флоренс откинулась на подушку и уставилась в потолок, пытаясь ощутить сочувствие к Ингрид. Но как сочувствовать утрате того, чего у нее самой никогда не было? Между «потерять» и «не иметь» была принципиальная разница. В конце концов, никто никогда ей не сочувствовал, что она растет без отца. Напротив, она считала, что это с ней что-то не так и отца она не заслужила.

Все, что Флоренс знала об отце, это его имя, которое она выпытала однажды у матери в День благодарения, после того как та опустошила на три четверти бутылку шираза. Она надеялась, что услышит что-то солидное, например, Джонатан или Роберт. Но нет. Оказалось, Дерек – имя немногим солиднее, чем вилла с пластиковым сайдингом. Звучит как «ханурик». Уж лучше бы просто Билл, гораздо более подходящее имя для отца.

Она села и нащупала пульт. Сна как не бывало. Листая список предлагаемого видео, она наткнулась на «Предвестник», малобюджетный инди-фильм, снятый несколько лет назад, с Ингрид в одной из ролей. Флоренс выбрала его. Начав смотреть, она нажала на паузу как раз на кадре, в котором крупным планом показывали лицо Ингрид с растянутым в блаженной улыбке ртом.

Флоренс внимательно разглядывала женщину на экране. Нет, то, что она испытывала к Ингрид, жалостью не было. Это было совсем другое чувство, очень далекое от жалости.

Наутро она не поехала домой переодеваться и пришла на работу в той же одежде, что и накануне. Подумала, это вряд ли кто-то заметит.

В метро она открыла страницу Ингрид в Инстаграме. Последняя фотография запечатлела залитую солнцем вазу с нарциссами. Подпись гласила: «Бунтуй, бунтуй, когда слабеет свет»⁵. Флоренс подумала, что Билл, вероятно, не был готов к активному бунту против смерти – сердечный приступ случается неожиданно, – но пост выглядел очень трогательно. И успел набрать более четырехсот комментариев и две тысячи лайков. Она неуверенно нажала «нравится», потом занервничала и удалила свой лайк.

Тут у нее мелькнула мысль, что, возможно, сегодня Ингрид сама заберет детей из школы. Они могут быть слишком эмоционально неустойчивы для поездки на автобусе, пусть и заказном.

Когда Агата пришла на работу, Флоренс сообщила, что днем она записана на прием к врачу.

Агата рассеянно кивнула:

– Без проблем.

У школы Харвик Флоренс была без десяти три. Она села на ту же скамейку напротив, где сидела накануне, и открыла «Сиденье водителя» Мюриэл Спарк. Когда двери школы распахнулись, она достала телефон и вывела на экран фотографию дочерей Саймона, которую нашла в интернете. Снимок был сделан прошлым летом в Норт-Форке на благотворительной акции в помощь бездомным животным. На нем младшая девочка, Табита, бережно держала на руках тощего и испуганного чихуахуа, а старшая, Хлоя, стояла рядом, победно растопырив два пальца. Позади них, обнявшись, безмятежно улыбались Саймон и Ингрид. Флоренс по очереди увеличила каждое лицо.

Потом подняла глаза и оглядела толпу школьников, собравшихся снаружи. Молодая учительница пыталась усадить их в ожидавшие автобусы, но ее тихие увещевания не имели никакого эффекта. Несколько девочек окружили одноклассницу с айфоном в руках – среди них Флоренс заметила Хлою. Класс седьмой или восьмой. Хлоя величественно взмахивала руками, как театральная актриса, правда, для дочери Ингрид она оказалась слишком упитанной. Флоренс навела на нее камеру телефона, увеличила изображение и сделала снимок. Она поймала кадр с хохочущей Хлоей и подумала, что, когда ты только что потеряла бабушку, не пристало так веселиться. Интересно, что сказала бы на это Ингрид?

Но Ингрид так и не появилась. Девочки забрались в первый автобус, и Флоренс подождала, пока он отъедет.

⁵ Цитата из стихотворения «Не уходи покорно в сумрак смерти» Дилана Томаса в пер. Александры Берлиной.

8

Конец января был теплым и солнечным, словно природа пыталась загладить вину за декабрьские холода. Особенно этому радовалась Флоренс, ведь теперь один или два раза в неделю послеобеденное время она проводила на каменной скамейке напротив школы Харвик. Почему, она не смогла бы толком объяснить, но какая-то сила тянула ее снова и снова. По пятницам, когда занятия в школе заканчивались в половине второго, она уезжала в обеденный перерыв, хотя дорога в одну сторону занимала почти час. В другие дни придумывала разные встречи, чтобы объяснить свое отсутствие на работе.

Сидя на скамейке, она ощущала себя частью той жизни. Жизни, которая была лучше ее собственной во всех отношениях. Она замечала на ногах школьниц балетки за двести долларов, которые уже завтра станут им малы. Видела, как учителя задерживались в толпе учеников и перебрасывались с ними шутками. Сама Флоренс никогда не шутила со своими учителями. Она даже не видела, чтобы они шутили друг с другом. В седьмом классе одной учительнице плюнули в глаз. Та не накричала на ученика, а просто вышла из класса и не вернулась до конца урока.

Территория вокруг школы Харвик казалась огражденной от всего уродливого и пошлого. Каждый раз, уходя, Флоренс чувствовала себя очищенной и полной энергии, словно ей дали подышать чистым кислородом.

Но правда, признай ее Флоренс, заключалась в том, что ездила она туда в надежде увидеть Ингрид, которая стала для нее объектом восхищения, полностью затмив собой Саймона. Его косточка для воротника потеряла свою значимость, и он стал обычным человеком с обычными слабостями. Ингрид же была настоящей актрисой: она приподнимала бровь или проливали слезу на экране, а кто-то за тысячи километров, даже годы спустя, в этот самый момент что-то чувствовал, в нем что-то менялось. Какая потрясающая способность – погружать в новую реальность совершенно незнакомого человека. Держать его в плену. Именно этого Флоренс мечтала добиться своими рассказами.

Последние несколько недель она смотрела фильмы с Ингрид Торн – у соседки была подписка на Нетфликсе – и часами разглядывала ее фотографии в интернете. Ей очень хотелось увидеть Ингрид вживую. Убедиться, что она существует, что у нее такая же плоть, ведь они с Флоренс неразрывно связаны – в конце концов, Саймон выбрал их обеих.

В начале февраля ее упорство было вознаграждено.

Вместо того чтобы, как обычно, сесть в один из ожидающих автобусов, счастливые Хлоя и Табита бросились в объятия матери. Флоренс затаила дыхание. На Ингрид были узкие черные брюки и белая блузка с замысловатыми складками. Короткая стрижка, явно свежая и сделанная в дорогом салоне. Морщин на ее лице оказалось больше, чем было видно с экрана.

Троица с Ингрид посередине двинулась в западном направлении. Табита держала мать за руку и радостно размахивала ею взад-вперед. Флоренс шла на полквартила позади по другой стороне улицы. Когда Ингрид и девочки садились в автобус, ей пришлось бежать со всех ног, чтобы успеть в него заскочить. В итоге, оказавшись в салоне, она так тяжело дышала, что несколько человек даже обернулись на нее. Но Ингрид в их числе не было.

Они вышли на Лексингтон-авеню и скрылись в небольшой клинике на 87-й улице. Флоренс заставила себя подождать целую минуту, прежде чем последовать за ними.

– Я могу вам помочь?

Женщина лет сорока с крашеными светлыми волосами выжидающе улыбнулась ей у стойки администратора. Флоренс взглянула на лежащие перед ней буклеты – это был кабинет ортодонта.

– Хм, мне назначено к доктору Карлсону, – она назвала имя дантиста, лечившего ее в детстве.

– Простите, но здесь нет никого с таким именем.

– Да? Не возражаете, если я присяду на минуту и проверю свою электронную почту? У меня где-то здесь его данные.

Женщина улыбнулась и кивнула.

Флоренс села напротив Ингрид и девочек. Они молчали, пока она общалась с администратором, но теперь Табита заговорила.

Листая телефон, Флоренс слушала нудный рассказ про физкультуру.

У Ингрид зазвонил телефон, и она обратилась к дочери: «Подожди, котенок, мне надо ответить».

– Привет, Дэвид.

Флоренс слышала в трубке дребезжащую речь какого-то мужчины. Ингрид перебила его:

– Это абсурд. Я не стану этого делать... Нет... Нет... Ну, тогда давай попробуем найти кого-то еще... Она делала это шоу об уголовниках?.. Да, хорошая идея. Ладно, перезвони мне.

Она повесила трубку и вздохнула. Встретилась взглядом с Флоренс:

– Извините.

– Все в порядке, – сказала Флоренс, тут же добавив: – У вас чудесные дети.

– Спасибо, – ответила Ингрид и с довольной улыбкой посмотрела поочередно на обеих девочек.

При виде ее белых ровных зубов Флоренс крепко сжала губы. Ей внезапно стало стыдно за свою далеко не безупречную улыбку – она никогда не была у ортодонта. Она поднялась с дивана и вышла из теплой приемной.

Снаружи уже темнело, и начался холодный дождь. Флоренс очень хотелось дожидаться, пока семейство Саймона поедет домой, и отправиться за ними, но Ингрид могла подумать, что она их преследует. К тому же нужно было возвращаться на работу. Когда она сказала Агате, что ей будут пломбировать зуб – о записи к стоматологу она сообщила еще на прошлой неделе, – Агата восприняла эту новость не так спокойно, как раньше. У нее была склонность к пассивной агрессии, природу которой Флоренс понять не могла – если у тебя есть власть, почему бы просто не воспользоваться ею и не потребовать то, что тебе нужно? Вместо этого, перед обедом Агата бросила на стол Флоренс рукопись и сказала, что ждет ее комментарии к утру, многозначительно добавив: «Если найдешь время».

Очевидно, этот спектакль должен был вызвать у Флоренс раскаяние или, по крайней мере, некоторое беспокойство, но ни того, ни другого она не почувствовала. Зато ее ужасно раздражали банальные задания – позвонить тому, написать другому, – как будто она была мелким клерком. Ей все больше хотелось навсегда от них избавиться.

Не о такой работе и не о такой жизни она мечтала – именно это Вера твердила ей уже несколько лет.

Флоренс рассчитывала, что после того, как она устроилась в «Форрестер», Вера успокоится. Но мать восприняла эту новость иначе: «Ассистент?! – свистящее «с» прозвучало с особой силой. – Это что-то вроде секретарши?» Флоренс пыталась объяснить: в литературном мире так устроено, что все начинают как ассистенты редактора, но это было бесполезно, особенно когда мать узнала, что дочь будет зарабатывать меньше ее самой.

С каждым разговором напряженность между ними только усиливалась. Флоренс казалось, что она занимается финансовой аферой: Вера требовала немедленного возврата вложенных средств, а Флоренс отделялась как могла крохотными порциями привязанности и извинений в надежде раздобыть нужную сумму.

Но, возможно, она унаследовала от матери больше нетерпения, чем ей казалось.

9

Несколько недель спустя Флоренс приехала на работу и стояла в лифте, двери которого уже должны были закрыться, как вдруг Саймон просунул руку, чтобы их придержать. Увидев ее, он на мгновение заколебался, словно жалея, что поспешил, и тут Флоренс поняла почему. С ним была Ингрид.

– Здравствуй, Флоренс. Как дела? – Саймон, видимо, пришел в себя от неожиданной встречи.

– Все хорошо, спасибо.

Ингрид улыбалась – она явно ждала, что ее представят.

– Отлично. Ты знакома с моей женой? Флоренс, это Ингрид Торн. Ингрид, это Флоренс Дэрроу, одна из наших самых перспективных ассистентов.

– Очень приятно. – Ингрид крепко пожала ей руку. Она, похоже, не вспомнила их встречу у кабинета ортодонта. – Надо же, у меня есть точно такая же блузка.

– Правда? – Флоренс покраснела. Она купила ее, увидев на одном из фото Ингрид.

Саймон откашлялся и ответил на вопрос, который никто не задавал:

– Кстати, Ингрид пришла сюда на встречу с твоей коллегой Аmandой Линкольн.

– С Аmandой?

– Я дал ей почитать рукопись Аmandы, и она решила, что ее вполне можно экранизировать. Пробует свои силы в продюсировании.

– Рукопись Аmandы?

– А ты разве не слышала? «Форрестер» только что приобрел права на ее первый роман.

– Аманда написала роман? – Флоренс почувствовала, что скользит в темноте и не может найти опору.

– Это блестящая сатира на нравы Верхнего Ист-Сайда, – поделилась впечатлением Ингрид. – Ужасно смешно. И мастерски прописанный сюжет. – Флоренс сделала мысленную заметку: перестать говорить «мастерски».

Саймон нежно обнял жену за талию, но тут же резко убрал руку. Лифт прибыл на этаж Флоренс. Она подошла к дверям и нетерпеливо ждала, когда они откроются.

– Удачи, – глухо сказала она, выходя.

– Спасибо! – живо откликнулась Ингрид, а Саймон в тот же самый момент крикнул вдогонку: «Так держать!»

Флоренс сразу прошла в туалет и заперлась в кабинке для инвалидов. Включила горячую воду, подставила обе руки под обжигающую струю и держала их так, пока кожа не покраснела. Роман Аmandы? Какой еще к черту роман? Она посмотрела в зеркало. На глаза навернулись слезы.

«Не смей», – приказала она отражению и приложила к лицу горячие ладони.

Когда она убрала их, слезы уже высохли, и ей даже удалось улыбнуться.

– Так-то лучше.

Она не сразу пошла к себе, а заглянула к Люси, которая сидела, сгорбившись, перед экраном компьютера и просматривала фотографии собак на сайте «Ищу хозяина».

– Просто сделай это, если хочешь, – сказала Флоренс, встав позади нее.

Люси подскочила на стуле и прижала руку к сердцу:

– Господи, как ты меня напугала!

– Серьезно, почему бы тебе не взять кого-нибудь?

Люси посмотрела на Флоренс, как будто та предлагала ей что-то противозаконное.

– Нет-нет, я не могу. Я слишком много работаю, это будет неправильно.

Флоренс покачала головой. Она никогда не понимала людей, которые отказывают себе в том, что хочется. Ее-то проблема в том, что она всегда хотела недоступного.

– Ты слышала про роман Аманды?

Люси кивнула.

– А мне почему не сказала?

– Подумала, это тебя может расстроить. – Люси не собиралась становиться писательницей, но знала о планах подруги.

– Расстроить меня! – воскликнула Флоренс. – Почему это должно меня расстроить? Поверь, это не та книга, которую я хотела бы написать, – сказала она уверенно, хотя по-прежнему не знала никаких подробностей.

– Нет, конечно, нет. Она такая банальная.

– Правда? – взволнованно спросила Флоренс. – А ты ее читала?

– Нет, она у Сэма.

– У придурка Сэма или у рыжего Сэма?

– У рыжего.

Флоренс помчалась на поиски Сэма, и тот пообещал прислать ей рукопись по электронной почте.

– На самом деле весьма неплохо, – сказал он.

– Да, я слышала, – ответила она сухо.

Весь день Флоренс читала рукопись и закончила только к десяти вечера. Агата ушла несколько часов назад, на этаже вообще уже никого не было. Флоренс выключила компьютер, но собираться не спешила.

Сэм оказался прав: роман был неплох. Даже хуже – он был хорош.

Флоренс крепко прижала ладони к глазам. Нет, это просто несправедливо. Аманда, у которой и так все есть, теперь станет еще и состоявшимся автором? Получит то, о чем Флоренс мечтала больше всего на свете? Будет работать с Ингрид Торн? Она представила, как Ингрид и Аманда мило беседуют за рабочим обедом. Болтают об искусстве и вдохновении. О чертовом Брехте...

А что есть у Флоренс? Крошечная комнатка в дерьмовой квартире в Астории? Наставница, которая предпочитает говорить с ней о своей доуле, а не о немецких драматургах? Одна ночь с Саймоном Ридом, который, вероятно, предпочел бы, чтобы этой самой ночи никогда не было?

Мысль чем-то зацепила Флоренс. *Предпочел бы, чтобы этой ночи никогда не было.*

На ее лице расплзлась улыбка. Оглядев пустой офис, Флоренс рассмеялась. Как она раньше не сообразила?

Конечно, Саймон хотел бы, чтобы этой ночи не было. Но она была. Он знал это, и Флоренс знала. Почему она сразу не поняла, какие возможности это открывает? Почему позволила ему считать, что ею можно вот так распоряжаться? Почему сама так считала? Бедняга Саймон потерял все свое преимущество, когда положил руку ей на бедро в том грязном баре.

Если он может опубликовать роман Аманды, то сможет опубликовать и ее книгу. Она заставит его это сделать. Соберет все свои рассказы – это и будет ее рукопись. Да, добиться публикации путем шантажа – не лучший вариант, но в жизни вообще нет ничего идеального. Вы же не выбрасываете выигранный лотерейный билет только потому, что он немного запачкался в вашем кошельке?

Флоренс заторопилась домой. До трех ночи она вносила мелкую правку в тексты, написанные в Гейнсвилле. Читая их впервые с тех пор, как благодаря Аманде она убедилась в соб-

ственном невежестве, Флоренс по-прежнему замечала недостатки, но теперь видела и еще кое-что, что упускала раньше: неподдельную радость, с которой они писались. Часы тогда пролетали как минуты.

Изначально она хотела стать писательницей, чтобы все узнали: Флоренс Дэрроу – гений. Но в те годы в Гейнсвилле ей больше всего нравилось то внезапное ощущение, что она вовсе не Флоренс Дэрроу. На короткое время, сидя перед компьютером, она забывала свое «я» и становилась тем, кем хотела.

Это была поразительная мысль: если удастся справиться с задачей – пожить чужой жизнью – то и собственная будет наконец чего-то стоить.

Следующий день выдался холодным и солнечным. В девять тридцать, до начала утренних планерок, Флоренс поднялась на лифте к кабинету Саймона и спросила, может ли он ее принять. Его помощнице Эмили это, похоже, не понравилось. Она была милая – именно она пыталась разговорить Флоренс и Люси в тот первый вечер в «Рыжем Жаворонке», – но, как и большинство помощниц, связывала свою значимость с авторитетом босса. Тем не менее она заглянула в его кабинет, а когда вернулась, сказала Флоренс, что та может войти.

– Итак, Флоренс, чем обязан такой чести? – спросил он, вытягивая перед собой руки, как фокусник, которому нечего скрывать.

Флоренс сказала ему о своих рассказах и протянула распечатанные утром страницы.

– Раз уж вы принимаете заявки из нашего стойла...

Саймон положил стопку на стол и аккуратно ее поправил. Казалось, он испытал облегчение, узнав причину ее визита.

– Прекрасно. Я постараюсь посмотреть в эти выходные. Уже в предвкушении.

Флоренс на мгновение остановилась перед его столом, не зная, что делать дальше. Они молча улыбнулись друг другу.

– Ну ладно, – сказала она и вышла.

В ту ночь Флоренс не могла уснуть. Она станет настоящим автором – ее опубликуют!

Все выходные она представляла себя на вечеринке в красивой квартире с окнами до полу, старинными коврами и вазами. Все хотят с ней поговорить. Она одета в черное платье, мягкий свет ламп мерцает на ее щеках. Играет джаз. За окнами зима... Флоренс любила зиму – трудно было представить себе что-то более непривычное для Флориды. Ей нравилось выходить на улицу укутанной в несколько слоев одежды и видеть, как дыхание превращается в пар. «Душа твоя явилась», говаривал в таких случаях пастор Даг, хотя температура в Порт-Ориндже редко опускалась ниже десяти градусов тепла.

В понедельник она вновь пошла к Саймону, но Эмили сказала, что он на совещании. Флоренс вернулась к своему рабочему столу, тщетно пытаясь хоть на чем-то сосредоточиться. Наконец в пять вечера в ее почтовый ящик упало письмо. Флоренс быстро пробежала его глазами.

Есть кое-что интересное.

Ты талантлива, но тебе пока не хватает жизненного опыта.

Найди свою историю.

Флоренс перечитала письмо еще раз, уверенная, что что-то пропустила. Но больше ничего там не было. Он ей отказал.

10

Флоренс сидела на подоконнике в своей комнате, свесив босые ноги наружу. Было уже больше двух часов ночи, и на улице опустело, если не считать немногочисленных машин, изредка пересекавших 31-ю улицу. Она постукивала пятками по кирпичной стене и просматривала фотографии на телефоне. Там были десятки снимков Хлои и Табиты в школьной форме и несколько фото Ингрид, сделанных в тот день, когда она забрала девочек. Флоренс увеличила изображение ее лица. Присмотревшись, поняла, что морщинки вокруг глаз – это «лучики» от улыбки.

Благодаря сбою какого алгоритма ей удалось обойти Ингрид Торн, пусть и всего на одну ночь? Что могла дать Саймону Флоренс Дэрроу, чего не могла бы Ингрид? Ведь Флоренс была безвольной, бездарной и жалкой. Полной противоположностью Ингрид Торн.

Впрочем, возможно, этим все и объяснялось. Возможно, Саймон решил передохнуть. На одну ночь он захотел овсянку вместо стейка. У него просто устали челюсти.

До чего же прожорлив, подумала Флоренс.

О такой жизни, как у него, она могла только мечтать. Спит на выглаженных простынях. Коллекционирует первые издания. Отсчитывает чаевые швейцарам на Рождество. Трахает Ингрид, трахает Флоренс. Трахает, кого хочет. Жизнь Саймона была именно такой, какой он хотел: удобной, тщательно организованной, безопасной.

Он никогда не думал, что эта ночь – или сама Флоренс – хоть что-то изменят в его жизни. Этого и не произошло. Он, как обычно, просыпался рядом со своей очаровательной женой. Ничего не опасаясь, не чувствуя никакой вины.

Она сделала глоток бурбона из стоявшего рядом бокала и почувствовала, как обжигающий напиток постепенно согревает ее изнутри, словно кто-то идет по старому дому и включает в каждой комнате свет.

«А что, если слегка подпортить его идеальную картинку?» – подумала Флоренс. Ничего радикального. Просто царапина на стекле очков, досадное напоминание, которое больше не позволит ему смотреть на жизнь как на что-то безупречно чистое и безопасное. Напоминание о необходимости быть благодарным за то, что у него есть.

И без дальнейших раздумий она отправила ему по почте все сделанные ею фотографии его семьи. Напечатав тему письма, она улыбнулась: «Есть кое-что интересное».

11

На следующее утро Флоренс проснулась с ощущением, что человека, которым она была до прошлой ночи, больше не существует. Он отвалился, как мертвый ноготь, вынужденный уступить место новому, растущему под ним. Вот уже несколько месяцев внутри нее зрело что-то незнакомое, лишенное защитной оболочки, и она даже не осознавала этого, пока это нечто не прорвалось наружу.

Она чувствовала себя полной сил и надежд, хотя и не обольщалась насчет того, что Саймон бросится публиковать ее рассказы. С такой же вероятностью он мог переслать ее письмо в отдел кадров. Но сейчас ей было достаточно представить, с каким лицом он его читает.

О его решении она узнала сразу, придя на работу. Мигающая лампочка на телефоне указывала на новое голосовое сообщение. Это был начальник отдела кадров, который просил ее немедленно зайти. Спустя три дня в семь утра к ней домой прибыл курьер, чтобы вручить документы. Мало того, что Флоренс уволили, так еще Саймон и Ингрид добились судебного запрета для нее на контакты с их семьей.

По идее она должна была растеряться или испугаться – у нее не было ни сбережений, ни перспектив найти другую работу, но она чувствовала лишь облегчение и радостное возбуждение. Выбив по неосмотрительности крышку аварийного люка, она вылетела из своей прежней жизни и теперь, стоя снаружи, могла видеть, какой, в сущности, ничтожной была эта жизнь.

В университете она прочла «Имморалиста» Андре Жида и прониклась симпатией к главному герою, Мишелю, презиравшему «мирное счастье домашнего очага» – комфорт вместо славы. Но все это время стремилась именно к спокойной, уютной жизни, – как у Агаты. Хотя на самом деле всегда хотела большего, гораздо большего. Благодаря одному нестандартному поступку она вновь обрела уверенность, что это большее где-то существует и ждет ее. Ей просто нужно до него добраться.

Свои заново отредактированные рассказы она разослала в десятки литературных агентств. Ей казалось, что, если у нее будет агент, издатели наконец-то заметят ее талант. Сама она вновь начала верить в себя, рассудив, что даже самый жестокий бог не мог дать ей такое сильное, стойкое желание стать писателем, не наделив при этом способностями.

Она встретила с адвокатом по поводу возможного иска о сексуальных домогательствах, но тот посчитал, что она вряд ли вызовет сочувствие присяжных. «Да, шанс невелик», – согласилась она и хихикнула, заставив его испытать неловкость.

У нее было всего 1100 долларов на банковском счете, а в конце месяца предстояло заплатить 800 долларов за аренду квартиры. И тем не менее она не переживала.

Впервые с шестнадцати лет у нее не было работы. И впервые в жизни она чувствовала себя свободной от пристального внимания матери: об увольнении Флоренс ей до сих пор не сказала.

Несмотря ни на что она была совершенно счастлива. Ей казалось, что мироздание наконец на ее стороне и обязательно о ней позаботится. Вмешается судьба.

В итоге так и случилось.

Через две недели после увольнения она получила голосовое сообщение от Греты Фрост из «Фрост/Боллен», одного из лучших литературных агентств. Грета просила связаться с ней.

Прежде чем набрать номер, Флоренс сделала несколько глубоких вдохов, чтобы голос звучал увереннее. Грета ответила ровным, суховатым тоном, и Флоренс, представляясь, постаралась ему соответствовать.

– Спасибо, что перезвонили, – сказала Грета. – Я искала вас, потому что один из наших авторов ищет помощника и кто-то упомянул ваше имя.

Флоренс растерялась.

– Вы не по поводу моих рассказов?
– Что, простите?
– Рассказов, которые я присылала?
– Ах, да. Они довольно интересные, и это одна из причин, по которой мы решили предложить вам эту вакансию.

– Какую вакансию?

– Прежде чем продолжить, я попрошу вас сохранить все, что вы услышите, в тайне.

– Разумеется.

– Вы знакомы с писательницей Мод Диксон?

– Вы шутите?

– Нет.

– Вы спрашиваете, хочу ли я стать помощницей Мод Диксон?

– Я спрашиваю, не хотите ли вы претендовать на позицию помощницы Мод Диксон.

– Конечно, хочу.

– Прекрасно, – голос Греты звучал так, словно она никогда ничему в своей жизни не удивлялась. – Прежде чем мы двинемся дальше, я должна предупредить вас о некоторых нюансах. Ввиду довольно необычных обстоятельств – я, безусловно, имею в виду ее анонимность – эта вакансия имеет несколько особых условий. Если вы получите эту работу, вам придется подписать соглашение о неразглашении. Вам будет запрещено не только раскрывать настоящее имя Мод Диксон, но и упоминать, что вы работали на нее.

– Хорошо.

Грета сделала паузу и заговорила снова.

– Я хочу убедиться, что вы понимаете, что это значит, Флоренс. У вас навсегда останется пробел в резюме, объяснять который вам будет запрещено.

Флоренс на секунду задумалась. Весь смысл работы помощником писателя заключался в том, чтобы использовать связи этого писателя для своей дальнейшей карьеры, а если повезет, добиться собственной публикации. Иначе лучше работать официантом – там, по крайней мере, платят чаевые.

Но соглашения о неразглашении было явно недостаточно, чтобы заставить ее отказаться от возможности поучиться у одного из самых продаваемых авторов и, что еще важнее, наладить контакт с очень влиятельным литературным агентом.

– Ничего страшного, – сказала она.

– Хорошо, тогда перейдем ко второму пункту. Она живет не на Манхэттене. Я не могу сказать, где именно, но она готова обеспечить жильем прошедшего отбор кандидата.

– Отлично.

– Уверены?

– Да, абсолютно.

Флоренс знала – знала, и все – что судьба сама послала ей эту работу, что это следующий шаг на пути к великому будущему. Грета могла перечислить физические увечья как обязательное условие работы – ее бы и это не остановило.

– Ну что ж, тогда запишите адрес, на который можно прислать резюме. У вас есть ручка?

В тот же вечер Флоренс отправила резюме и сопроводительное письмо помощнице Греты. На следующий день ей позвонили, чтобы договориться о видеочате с Мод Диксон.

12

– Алло? Вы меня слышите?

– Да, слышу, – ответила Флоренс. – Но не вижу. – Ее собственное изображение было отчетливо видно в небольшом окошке в нижнем углу экрана, но пространство, где должно было появиться лицо Мод, пустовало.

– Ну да, в этом и смысл анонимности, не так ли? – произнес голос в динамике.

– А-а. – Флоренс смутилась. – Верно.

– Что это за свет у вас за спиной? Я почти не вижу вашего лица.

Флоренс оглянулась: горела настольная лампа. Она выключила ее.

– Так лучше, – сказала Мод. – Какие у вас красивые волосы.

Флоренс дотронулась до головы, словно желая убедиться, что ее кудри на месте.

– Спасибо.

– Итак, расскажите немного о себе.

Флоренс начала занудный рассказ о том, откуда она родом, о писателях, которых изучала в университете, как оказалась в Нью-Йорке.

– Но вы больше не работаете в «Форрестере»? – спросила Мод.

– Нет. Думаю, я научилась там всему, чему могла.

– Хорошо, что еще?

– Еще... я писательница. Точнее, хочу стать писательницей.

– Это все прекрасно, но писательница мне не нужна, мне нужна помощница. Вы умеете печатать? Готовы выполнять скучные поручения? Можете искать и проверять информацию?

– Да, конечно. Я все это могу.

– Отлично. Что еще мне стоит о вас знать?

Флоренс попыталась придумать что-нибудь, что могло бы отличить ее от других.

– Меня вырастила мать-одиночка, как и вас. – Она тут же поняла свою ошибку. – Простите, я имела в виду, как Мод, персонаж вашей книги.

– Ладно, что-то еще?

– Даже не знаю. Мне очень понравилась ваша книга. Нравится ваш стиль, ваш язык. Для меня было бы большой честью поучиться у вас. И, конечно, помогать вам всем, чем смогу.

Последовала пауза.

– И вы не против переезда в захолустье?

– Нисколько. Честно говоря, я немного устала от Нью-Йорка.

– Знаете, я как-то слышала замечание психолога, что всякий раз, когда пациент произносит «честно говоря», это признак того, что он лжет.

Флоренс неловко рассмеялась:

– Я не лгу.

– Нет, разумеется, нет. Хотя, если подумать, лгунья мне подошла бы идеально, учитывая, что никому нельзя говорить, на кого работаешь.

Флоренс понимала, что не может поддержать игру, – она даже не знала, во что именно играет с ней Мод.

– Уверяю вас, я умею хранить секреты.

– Что ж, мне есть над чем подумать. Грета свяжется с вами.

И это все?

– Спасибо большое за эту возможность, – начала она, но Мод уже отключилась.

Флоренс захлопнула ноутбук и обхватила голову руками.

На следующее утро в одиннадцать часов она все еще лежала в постели, когда зазвонил телефон. Это было Грета – она сообщила Флоренс, что ее берут, если, конечно, она не против.

– Вы серьезно? – Флоренс не могла сдержать удивления.

– Да. А почему я должна шутить?

– Ну да, конечно. Огромное спасибо. Я не против.

– Не хотите еще подумать?

– Нет, спасибо.

– Прекрасно. Мод предложила начать восемнадцатого марта. Вы сможете? Я понимаю, что это довольно скоро.

Флоренс открыла календарь на ноутбуке.

– Подождите, уже в следующий понедельник?

– Да, вы скоро сами убедитесь, что терпение – не самая сильная сторона Мод.

– Все в порядке. Я смогу восемнадцатого.

Они договорились встретиться позже на этой неделе, чтобы подписать документы.

Повесив трубку, Флоренс в изумлении оглядела комнату. Неужели все это происходит с ней на самом деле?

Она вспомнила фразу из «Миссисипского фокстрота», которую Мод сказала Руби после убийства: «Каждый рождается со своим запасом жизни, и всегда заметно, когда запас исчерпан. У этого человека уже ничего не осталось. Он бы умер и без меня».

Флоренс подумала, что жизнь – это именно то, что могла увидеть в ней Мод Диксон. Желание во что бы то ни стало жить по-настоящему. Ведь, по сути, главным итогом ее работы в «Форрестере» стал глубокий страх собственной ничтожности и понимание, что можно соскользнуть в пустое, бесцельное существование, даже не осознав этого.

На телефон вдруг пришло сообщение от матери: «Я дала твой номер Киту. У него есть отличная идея для книги!!!»

И следом еще одно: «Два слова: дракон, ларец».

Флоренс поморщилась.

Пришло третье сообщение: «Ловец!!! Не ларец».

Она выключила телефон.

Часть II

13

Флоренс стояла на платформе железнодорожной станции Хадсон и смотрела, как поезд, на котором она приехала, стремительно уносится прочь. Подхваченные потоком воздуха листья и бумажные обертки взметнулись было вслед за ним, но, чуть покружившись, опустились на землю. Флоренс спрятала подбородок в шарф – здесь было холоднее, чем в городе.

Прикрыв глаза ладонью от яркого весеннего солнца, она увидела вдаль надвигающуюся свинцовую тучу. Будет дождь. Флоренс взвалила на плечо спортивную сумку и слегка пошатнулась от тяжести. Туда уместилось все ее имущество, кроме мебели. Матрас и письменный стол она попыталась продать на Крейгслисте, но избавиться от них удалось, лишь снизив цену до нуля.

Флоренс присоединилась к толпе пассажиров, направляющихся к автостоянке – именно там они договорились встретиться с Хелен.

Хелен Уилкоккс – так на самом деле звали Мод Диксон. Оказалось, что это все-таки не мужчина, а женщина, у которой, насколько могла судить Флоренс, не имелось ни публикаций, ни страниц в соцсетях, ни каких-либо иных следов существования. Если только она не была невероятно талантливой юной гимнасткой из калифорнийской Ла-Хойи.

Неделей ранее Флоренс встретила с Гретой Фрост в офисе «Фрост/Боллен» в сверкающем небоскребе Мидтауна. Грета оказалась представительной женщиной ближе к семидесяти с безупречной осанкой, коротко подстриженными седыми волосами и в очках в толстой оправе. Она молча наблюдала, как Флоренс подписывает необходимые документы, включая соглашение о неразглашении.

– Сколько всего людей знает, кто такая Мод Диксон? – спросила Флоренс, когда Грета встала, давая понять, что встреча окончена.

Грета указала узловатым пальцем на себя:

– Один. – Затем направила палец в сторону Флоренс: – Два.

Флоренс опешила:

– Вы – единственный человек, который это знал?

– Да, насколько мне известно.

– Как такое возможно?

Грета холодно улыбнулась:

– Я очень хорошо умею хранить секреты.

– А как же ее редактор?

– Они в основном общаются по электронной почте. Дебора зовет ее просто Мод. – Грета сделала паузу. – По правде говоря, я не имею ни малейшего представления, почему она решила посвятить вас, совершенно незнакомого человека, в свою тайну. Я пыталась ее отговорить. Это крайне необдуманый шаг.

Флоренс не знала, что ответить:

– Я никому не расскажу.

– Надеюсь. Вы только что подписали юридически обязывающий документ на этот счет.

– Да, конечно.

Несмотря на довольно холодный прием, в тот день Флоренс вышла из офиса «Фрост/Боллен», испытывая радостное возбуждение. Она всегда была невероятно скрытным человеком, – энтузиазм матери рано приучил ее создавать внутри себя чулан, где можно побыть одной и отдохнуть от пристального внимания, – но секретами с ней делились редко. Это рождало

непривычное и пьянящее ощущение власти, ведь по своей природе любой секрет способен что-то разрушить. Саймон мог бы это подтвердить.

Флоренс оглядела стоянку. Солнце из-за ее спины отражалось от хромированных поверхностей тысячами ослепляющих вспышек. Все машины выглядели темными и пустыми. За стоянкой, вместо живописного городка, который она уже успела себе вообразить, виднелись склады и заброшенные здания.

В этот момент распахнулась дверь старого зеленого «ренджровера», и сидящая за рулем женщина развернулась и выставила наружу ногу, однако выходить не спешила. У нее были короткие светлые волосы и длинный костлявый нос с большой горбинкой. Такой нос, будь он даже у ребенка, вряд ли кто-то назвал бы симпатичным. Между бровями пролегли две морщинки, похожие на кавычки. Одета она была в джинсы и толстый рыбацкий свитер, а неожиданным завершением образа служила ярко-красная помада.

Прикрыв глаза одной рукой, другой Хелен помахала Флоренс. Та помахала в ответ и направилась к машине.

– Привет, Флоренс. – Хелен протянула длинную холодную ладонь.

Флоренс улыбнулась:

– Приятно познакомиться.

– Взаимно. Запрыгивай.

Хелен повернулась на водительском сиденье, наблюдая, как Флоренс закрыла дверь, пристегнула ремень безопасности и нервно улыбнулась.

– Сколько тебе лет? – наконец спросила Хелен.

– Двадцать шесть.

– Выглядишь моложе. – Это прозвучало как обвинение.

– Мне часто так говорят.

– Счастливая. – Хелен еще мгновение смотрела на нее, потом резко дала задний ход и тронулась с места.

Флоренс промолчала и отвернулась к окну. Изучающий взгляд Хелен выбил ее из колеи. Автомобиль набрал скорость, и полуразрушенные здания сменились узким двухполосным шоссе.

– Нам ехать минут десять, – сказала Хелен.

Флоренс заранее посмотрела маршрут: по расчету Гугла дорога должна была занять вдвое больше времени. Разницу она смогла объяснить сразу, когда увидела, с какой скоростью едет Хелен.

Они повернули направо, к мосту через Гудзон. Флоренс заметила табличку «Зона ожидания для эскорта» и хотела было пошутить, но передумала. Она уже поняла, что сидящая рядом женщина не сочтет это смешным.

Когда они пересекли мост Рипа Ван Винкля, Флоренс посмотрела вниз на огибающие берег железнодорожные пути, по которым она только что приехала.

– На самом деле Кейро⁶ находится не в Гудзонской долине, – вновь заговорила Хелен, – хотя риелторы любят так утверждать. Это все-таки больше Катскилл.

Она произнесла «Кейро», а не «Каир», и Флоренс обрадовалась, что не успела упомянуть название города. Она еще раз украдкой взглянула на водительское место: Хелен курила сигарету и постукивала двумя пальцами по рулю в такт звучащей по радио песне Люсинды Уильямс.

Флоренс выглянула в окно и поморщилась – они как раз проезжали мимо свалки. Вид местности пока не особо оправдывал ее ожидания. Спустя пару минут она заметила рекламный щит с надписью «Ваш будущий дом», возвышавшийся над дюжиной дешевых сборных домиков

⁶ По-английски Кейро – город в округе Грин, штат Нью-Йорк, и название столицы Египта Каир пишутся одинаково: *Cairo*.

из шлакобетонных блоков. Эта картина гораздо больше напомнила ей Флориду, чем все, что она до сих пор видела в Нью-Йорке.

– Что вас сюда привело? – спросила Флоренс.

– Уединенность, – ответила Хелен, не вдаваясь в подробности.

Флоренс попыталась придумать, что бы еще сказать, но в голове было пусто. Все ее предыдущие реплики казались довольно взвешенными – это позволит сделать определенный вывод о ее характере и определит, будет ли Хелен уважать ее. Она никак не могла выбрать подходящий тон, подходящую тему. Ей хотелось сказать, как много значил для нее «Миссисипский фокстрот», но, когда она мысленно произнесла эти слова, они показались банальными и пустыми. Что касается Хелен, то ее, по-видимому, молчание вполне устраивало.

Вскоре небо затянули облака, закрыли солнце и свет приобрел желтоватый оттенок. Флоренс наблюдала, как на дерево, словно черная сеть, опустилась стая дроздов. Несколько крупных капель упали на лобовое стекло, когда Хелен съехала с шоссе и сделала пару поворотов, приведших их в итоге на неровно вымощенную улицу под названием Крестбилл-роуд. Флоренс узнала адрес, который Грета прислала ей несколько дней назад.

– Скоро закончится, – сказала Хелен, включая дворники. – Эти весенние грозы сначала такие сильные, но им быстро надоедает, и они проходят, – добавила она, взглянув на Флоренс. – Чем-то напоминает помощников писателей.

– Я не собираюсь уходить в ближайшее время, – заверила ее Флоренс.

– А как ты объяснила свой отъезд?

– Что вы имеете в виду?

– Ну, тебе же нельзя было никому рассказывать об этой работе. Надеюсь, ты этого не сделала.

– Я действительно никому ничего не говорила.

Хелен приподняла брови, не отводя глаз от дороги.

– Нет? А как же твоя семья?

– У меня только мама. И она думает, что я все еще работаю в издательстве.

– Ты не сказала ей, что уволилась?

Флоренс пожала плечами. Она не хотела упоминать ни о чем, что могло бы намекнуть на обстоятельства ее ухода из «Форрестера».

– Значит, вы не близки? – настаивала Хелен.

– Не очень. Она... Я не знаю. Просто мы совсем разные.

– В чем?

Никто никогда не задавал Флоренс столь конкретных вопросов о ее взаимоотношениях с матерью, и сейчас ей было трудно подобрать слова.

Наконец она решилась:

– Вы знаете, что Трамп всегда делит людей на победителей и проигравших?

Хелен кивнула.

– Вот так и моя мать. Она постоянно всех расставляет в соответствии с этой иерархией, которую сама себе выстроила, и я, конечно, занимаю там вполне определенное место. Она всегда стремилась поднять меня на достаточно высокую ступеньку, и очень расстраивается, считая, что я саботирую ее усилия. Ей просто невдомек, что мы по-разному смотрим на этот мир.

Хелен ничего не ответила.

– И она голосовала за Трампа, – добавила Флоренс, неловко усмехнувшись. – Если я неясно сформулировала.

– А ты нет, насколько я поняла?

– Я? Нет, конечно. Вы серьезно?

– Откуда мне знать? – Хелен искренне удивилась.

– Я не социопат.

– Ну, не все, кто голосовал за Трампа, социопаты.

Флоренс только что провела два года в окружении людей, тративших массу энергии, чтобы доказать обратное.

– Либералы, похоже, не понимают, – продолжала Хелен, – что здравомыслящие, умные люди способны отделить личные качества от политики. Они же не лучшего друга себе выбирают.

– Значит, вы... – Флоренс не могла поверить, что задает этот вопрос. Писатели не голосуют за Трампа! – Так вы... вы голосовали за него? – спросила она как можно спокойнее.

– Господи, нет. Я никогда не голосую.

– Правда?

Через несколько минут Хелен свернула налево, на длинную подъездную дорожку с отметкой «частная собственность». Проехав по густому лесу метров пятьсот, они в итоге оказались перед небольшим каменным домом с зелеными ставнями и тонким медным флюгером на крыше. Вид его не имел ничего общего с низкими уродливыми строениями, мимо которых они недавно проезжали.

– Он был построен в 1848 году, – сказала Хелен, проследив за взглядом Флоренс. – Я купила его два года назад, когда начали поступать гонорары от «Миссисипского фокстрота».

Дождь уже вовсю хлестал по розовым кустам, растущим у крыльца. Хелен велела Флоренс оставить сумку в багажнике, и они побежали к двери.

На крытой веранде Флоренс вытерла лицо рукавом, пока Хелен вставляла ключ в старый замок. Дверь со скрипом отворилась, и изнутри на них хлынул поток яркого света. Стены, потолок, полы – все видимое внутреннее пространство было выкрашено в насыщенный молочно-белый цвет.

Они оказались в небольшой прихожей с придвинутым к стене старым деревянным столом, на котором были разбросаны ключи и письма. Под ним стояли две пары грязных ботинок. За дверью слева Флоренс разглядела столовую, но Хелен повела ее в другую сторону, в гостиную, где бросила сумочку на большой диван с льняной обивкой. На подлокотнике едва удерживалась полная окурков пепельница. Перед диваном располагались квадратная тахта, завалянная книгами, и камин с тлеющими углями. Хелен подбросила в него одно полено, взметнув негодующее облако пепла.

– Ну вот, – сказала она.

Мать Флоренс любила воображать себе жизнь дочери в золоте и бриллиантах. Но жизнь, о которой мечтала сама Флоренс, была именно такой, как тут. Бело-голубая чашка, наполненная мандариновыми корками. Нежные белые лютики в керамическом кувшине на подоконнике – ваза с такими цветами когда-то стояла на рабочем столе Аманды. Весь этот дом напоминал картину Вермеера. А еще было холодно: от порывов ледяного ветра дребезжали стекла в окнах. Однажды кто-то сказал Флоренс, что стекло – это жидкость, которая течет очень-очень медленно, целыми столетиями, вот почему в старых домах окна внизу, у основания, всегда толще, чем на самом верху. Правда ли это? Флоренс было все равно. Точно так же она не могла понять, почему люди стремились раскрыть личность Мод Диксон, зачем им нужно было все выяснять, превращать сказку в набор фактов. Разве сказка не лучше? Зачем менять волшебное на обыденное?

Хелен показала Флоренс все остальные комнаты на первом этаже: столовую с длинным деревянным столом, на котором лежали горы книг и ноутбук; маленькую комнату для гостей с двумя односпальными кроватями, покрытыми выцветшими стегаными одеялами; и кухню со старой глубокой раковиной. Хелен взяла колбу из видавшей виды кофеварки и налила две чашки.

– Наверху только моя спальня, кабинет и пара свободных комнат. – Она неопределенно махнула рукой над своей головой. Одну чашку кофе она поставила на барную стойку перед Флоренс, не предложив ни молока, ни сахара.

– Ты будешь жить в гостевом доме на заднем дворе. Там ничего особенного, но, надеюсь, тебе подойдет.

– Конечно, – заверила ее Флоренс. Она сделала глоток и посмотрела, как капли дождя стекают по оконным стеклам. Все, что она могла видеть за ними, это серо-зеленое поле с размытыми коричневыми пятнами.

Когда дождь утих, Флоренс пошла к машине за своей сумкой и за домом встретила Хелен. Они шли по дорожке из серых плит, заросших мхом.

– До меня здесь жил арборист, – сказала Хелен. – Он скрещивал разные деревья, так что теперь тут есть довольно странные экземпляры – на вид ни то ни другое.

Флоренс взглянула на одно из деревьев: оно не было похоже на гибрид, а скорее напоминало два насильно соединенных растения.

Хелен продолжала свою экскурсию.

– Вон там небольшой огород, который я изо всех сил стараюсь не уничтожить, а за этими соснами спрятана моя страшная тайна. – Она повернулась к Флоренс с притворной гримасой: – Компостная куча. И, предвосхищая твой комментарий, – да, я понимаю, что становлюсь типичным хиппи Гудзонской долины.

Флоренс улыбнулась, полагая, что это выглядит уместно.

Они подошли к гостевому домику, находившемуся примерно в ста ярдах от основного строения. За ним виднелась темная линия деревьев – там начинался лес. Входную дверь заклинило, но Хелен справилась с ней, резко ударив ногой в нижний угол.

– Я что-нибудь придумаю, – сказала она и тут же добавила: – Вообще-то вряд ли, но в жизни есть вещи похуже, чем тяжело открывающаяся дверь, правда?

Флоренс кивнула и зашла вслед за Хелен внутрь светлого открытого помещения с небольшой гостинной зоной и маленькой кухней в углу. На стене рядом с холодильником висел розовый дисковый телефон. Заглянув в ванную комнату, она увидела глубокую старомодную ванну. Деревянные ступеньки, больше похожие на приставную лесенку, вели на чердак, где находилась спальня. Флоренс все очень понравилось. У нее никогда не было собственного пространства – тем более дома, – и здесь она почувствовала себя так хорошо, как ни в каком другом месте, где жила раньше.

Хелен оставила ее устраиваться и предложила прийти выпить перед ужином около семи. Флоренс сразу начала распаковывать вещи. Она всегда любила порядок, не могла заснуть, не расставив аккуратно обувь в шкафу.

Потребовалось всего двадцать минут, чтобы все разложить и убрать сумку под кровать. Она села на диван и открыла блокнот, который купила утром на Центральном вокзале. В нем она собиралась писать свой новый роман, поэтому нужен был объем побольше. Несколько минут Флоренс смотрела на пустую страницу, потом поставила сверху дату и рядом написала «Кейро, штат Нью-Йорк». Спустя еще какое-то время она с раздраженным вздохом захлопнула блокнот.

Ну ничего, скоро ей будет что рассказать. После встречи с Хелен Уилкоккс ее жизнь вряд ли будет скучной.

Отложив блокнот, она открыла книгу – целый месяц она пыталась осилить Пруста, делая вид, что он ей нравится, – но вскоре закрыла и ее. Она чувствовала беспокойство и растерянность. Подумала, не позвонить ли Люси, но вспомнила, что после увольнения не ответила ни на одно сообщение подружки. Флоренс не нуждалась в ее сочувствии и предпочитала сохранить первенство в их отношениях. Кроме того, она даже не смогла бы похвастаться новой работой.

Если бы она вернулась в город, то могла бы прогуляться или просто поболтать с Брианной и Сарой. Она вдруг поняла, что действительно изолирована от всех. Флоренс закрыла глаза и прислушалась – стояла полная тишина. Она была совершенно одна.

14

Без пяти семь Флоренс осторожно постучала в парадную дверь дома. Не услышав ответа, она открыла ее и вошла. Из кухни доносилась музыка, и она пошла на звук.

Хелен, в фартуке поверх одежды, пила вино, курила сигарету, резала помидоры и время от времени изображала дирижера, размахивая ножом.

– Привет, – сказала Флоренс.

Хелен повернулась и хрипло пропела *La tua sorte è già compiataaaaaa*⁷, растягивая последний слог. – Ты любишь оперу?

– Гм, я не уверена. – Вообще-то классическую музыку Флоренс слушала только во время рекламы автомобилей.

– О, это божественно. Божественно! Я слушала «Трубадура» в прошлом году в Метрополитен-опере. В следующий раз возьму тебя с собой. Вот, выпей вина.

– Спасибо, – Флоренс взяла протянутый бокал и постаралась скрыть восторг от перспективы посетить оперу с Мод Диксон. – Я могу помочь с ужином?

– Нет, на кухне я абсолютный диктатор. – Большим и указательным пальцами Хелен держала помидор черри. – Знаешь, как их называют во Франции? Голубиные сердца. Потрясающе, правда? По-моему, идеальное сравнение. Ты просто не сможешь больше смотреть на голубя и не представлять его маленькое сердечко, бьющееся в надутой груди.

– Моя мать про некоторых людей говорит, что у них голубиная душа. Про тех, кого считает слабыми.

– Голубиная душа, – медленно произнесла Хелен, указывая на Флоренс кончиком ножа. – Звучит отлично, думаю, мне стоит позаимствовать. Напомни, ты южанка? Все лучшие выражения приходят с Юга.

– Я из Флориды. Мы ни то ни се.

– Ничего, «то и се» сильно переоценивают.

– Наверное.

– Так и есть. – Хелен перестала резать овощи. – У аутсайдера есть большое преимущество. Видишь вещи гораздо яснее.

В духовке что-то шелкнуло так громко, что Флоренс вздрогнула.

– Цыпленок. Ты ведь не вегетарианка, надеюсь?

– Нет-нет.

– Слава богу, – произнесла Хелен и вернулась к шинковке.

– Ты хорошо устроилась?

– Да, спасибо.

– Отлично, завтра приступим к работе.

– Как продвигается новая книга?

По лицу Хелен пробежала тень.

– Продвигается, – последовал неопределенный ответ.

– Это продолжение «Миссисипского фокстрота»?

– Нет, история Мод и Руби закончена. – Хелен провела ребром ладони по горлу.

– Жаль. – Флоренс почувствовала некоторую досаду. Как и большинство поклонников романа, она хотела бы узнать дальнейшую судьбу героев. – Люди будут разочарованы.

– Да, мой агент ежедневно мне об этом напоминает. Якобы я должна подарить своим читателям какой-то финал.

– Вы не согласны?

⁷ Твоя судьба уже предрешена (*ит.*) – фраза из оперы Джузеппе Верди «Трубадур».

Хелен рассмеялась:

– Должна? Еще чего. Я никому ничего не должна. Она просто считает, что, если я напишу продолжение, это принесет больше денег.

Она вытащила цыпленка из духовки и мастерски разделала его, положив каждой на тарелку по грудке и ножке. Потом поставила все это на кухонный стол вместе с бутылкой вина и миской салата и жестом пригласила свою помощницу сесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.